

МИРЫ Г. Л. ОЛДИ

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

**ВНУК
ПЕРСЕЯ**

Книга вторая
СЫН ХРОМОГО АЛКЕЯ

ИСТОРИКО-МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ФЭНТЕЗИ

НОВИНКА!

Генри Лайон Олди
Внук Персея. Сын
хромого Алкея
Серия «Древняя Греция»
Серия «Ахейский цикл», книга 5

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2977355
Внук Персея. Книга 2. Сын хромого Алкея: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-55437-9

Аннотация

Судьба любит Амфитриона, внука Персея. Так любит, что подбрасывает испытание за испытанием. Но все, что не убивает молодого воина, делает его сильнее. Война, интриги, предательство, изгнание из родных Микен, скитания по Пелопоннесу, охота на неуловимую Тевмесскую лисицу, вражда с Птерелаем Неуязвимым, вождем пиратов – так мужал будущий отец Геракла, величайшего героя Греции.

Новый роман Г. Л. Олди – третий роман знаменитого «Ахейского цикла», к которому авторы шли десять лет – повествует о событиях, предшествующих книгам «Герой должен быть один» и «Одиссей, сын Лаërта». Древняя Греция богов и героев, царей и чудовищ встает перед нами – прекрасная

незнакомка, чей взгляд может обратить тебя в камень. Эллада, описанная звездным дуэтом Олди, давно завоевала любовь и признание читателей.

Содержание

Парод	6
Эписодий первый	8
1	8
2	18
3	22
4	26
5	30
6	36
7	43
8	47
9	53
10	58
11	63
12	69
Стасим	74
Эписодий второй	82
1	82
2	92
3	98
4	104
6	112
7	119
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Генри Лайон Олди

Внук Персея. Сын хромого Алкея

А если бы властвовали над нами, свергнув богов, скажем, Тифоны или Гиганты, какие бы им были приятны жертвы, каких бы они требовали обрядов?

Плутарх Херонейский, «О суеверии»

Так как поэт есть подражатель, так же как иной создающий образы художник, то ему всегда приходится воспроизводить предметы одним из трех способов: такими, каковыми они были или есть; или такими, как их представляют и какими они кажутся; или такими, каковы они должны быть.

Аристотель, «Поэтика»

Меркурий:

Что морищитесь, услышав про трагедию?

Я бог: не затруднюсь и превращением.

Хотите, перестрою всю трагедию

В комедию, стихи ж оставлю прежние?

Хотите так? А впрочем, глупо спрашивать!

Как будто сам не знаю! Я ведь бог на то!

Понятно, что на этот счет у вас в уме!

Парод

1

Меч боролся до последнего.

Он плашмя бил мечом о камень. Летели искры. Меч ломаться не желал. Тяжелый, широкий, дитя микенских кузниц, клинок лишь гневно звенел. Тогда он стал бить лезвием. Появились первые выщербины. Отлетев, кусочек бронзы оцарапал ему щеку под глазом. Теперь меч визжал, как визжит от боли пес, избиваемый хозяином. И наконец, не выдержав позора, сломался на три пальца выше рукояти.

Взяв обломки, он встал над обрывом. Внизу дышало море. Плавясь в небесном горне, закат стекал в воду медью и бронзой, и червонным золотом. Золото пугало человека на утесе. Он сомневался, что когда-нибудь без содрогания сумеет прикоснуться к полоске драгоценного металла. Без того, чтобы хищный блеск впился в зрачки, принуждая к повиновению, возрождая стыд, о котором следовало забыть навсегда. «Не терзайся, – сказал ему днем Кефал, крепко взяв за плечи. – Выбрось из головы. Иначе станешь таким, как я. Ты сильный, ты сможешь. Это мне уже поздно. Я что? По-

¹ Парод – вступительная песня хора в античной трагедии.

ставлю сына на ноги, дождусь внуков, взойду на подходящую скалу – и прыгну в беспамятство. Глоток из Леты, и не помнишь ни о чем. Будь спокоен, я не оскверню остров. Сыну здесь жить. Отплыву на какую-нибудь Левкаду ...»

«Ты успокаиваешь меня?» – спросил он.

«Разучился, – вздохнул Кефал. – Извини...»

Он с силой сжал пальцы – и вскрикнул от боли. На последнем издыхании меч разрезал ему ладонь. Широко размахнувшись, он швырнул окровавленные обломки в море. Еле слышный всплеск, и оружие пошло на дно. Ему показалось, что в закате тоже прибавилось крови. Припав губами к сосцам моря, солнечный колесничий Гелиос жадно пил воду, соленую больше обычного – и багрянец над волнами наливался темной густотой.

Я все-таки проклятый, подумал он. Мои пиры оборачиваются войнами. Честь – изгнанием. Клятвы – бесплодием. Мою победу украли, превратили в милостыню. Амфитрион, Убийца Женщин. Вот кто вернется в Фивы. Хоть тысячу мечей изломай, от себя не убежишь. Проклятый, чего уж там...

Над человеком, над морем, над островом высился могучий Айнос. Скалы, тропы, черные ельники. Крутизна склонов. Тени ущелий. Снега вершины. В снегах, редко посещаемый людьми, дремал алтарь Зевса. Айнос ниже Олимпа, вспомнил он. Небо выше Олимпа.

Судьба над всеми нами.

Эписодий первый

Желая бури избежать, кормчий молится и призывает богов-спасителей, но, молясь, он тем не менее вытаскивает кормовое весло, пригибает к палубе мачту и, «свернув широкий парус, прочь бежит стихии грозной»...

Плутарх Херонейский, «О суеверии»

1

– Проклятые!

– Нет.

– Говорю тебе, они прокляты!

– Не более, чем все Пелопиды.

– Месяц назад я бы с тобой согласился. Но не теперь, после убийства.

– Наш отец тоже убивал родичей. Его очистили, и ничего не случилось. Это не проклятие, брат. Это будни семей, подобных нашей.

– Это проклятие, брат. От него не очистишь.

– Что ты хочешь сказать?

– Есть люди, от которых лучше держаться подальше.

– Ты предлагаешь мне выгнать гостей, попросивших убежища?

Алкей Персеид, базилей Тиринфа, сдвинул брови. «Да, предлагаю,» – ясно читалось в его молчании. Эхо непронесенных слов повисло в зале. Мигнула лампада, как от порыва ветра. Качнулись на стенах тени, словно в попытке обрести собственную жизнь. Поколебались – и замерли, осознав тщету усилий.

– Я не нарушу закон гостеприимства.

В подтверждение сказанного Электрион Персеид плеснул вином в сторону порога – Зевсу-Фиксию² – и отхлебнул из кубка. Год назад, при полном одобрении знати, жрецы Микен, где правил Электрион, возложили на его голову венец ванакта. С тех пор средний из трех сыновей Персея Горгоноубийцы взял за правило при любом удобном случае намекать на волю своего божественного деда. То, что владыка Олимпа приходится дедом далеко не ему одному, Электриона волновало мало. У Громовержца уйма сыновей, еще больше – внуков. Герои, чудовища, сосуды благородства и подлости... Но ванакт среди них один! Лишь он, Электрион Микенский, по праву осенен Зевесовой эгидой.

– Тебе не придется его нарушать. На твоих гостях – кровь брата.

– Что с того?

– Ты вправе отказать им. Никто тебя не осудит.

– И это говоришь ты, Алкей?! – возмущение Сфенела, младшего из Персеидов, дышало искренностью. – Сыновья

² Фиксий – «Покровительствующий беглецам». Эпитет Зевса.

Пелопса – родные братья твоей жены. И моей, кстати, тоже, если ты вдруг забыл. Не настолько близкое родство, чтоб оно помешало нам очистить просящих. Но и не настолько дальнее, чтобы мы отнеслись к ним, как к чужим.

– Да хранят нас Мойры от таких родственничков...

– Опасаешься?

– Да.

– Правильно делаешь, – Сфенел выдержал жесткий, испытующий взгляд старшего брата. Будто копье щитом встретил. – Ты побереги свою опаску для лучшего случая. Эти двое – не угроза.

Электрион кивнул с одобрением. Вклиниваться не стал, давая возможность Сфенелу развить мысль. Язык у парня подвешен хорошо – не отнимешь. Пусть старается.

– Не скажи, брат.

– А я все же скажу. Зря трясешься, Алкей. Проклятие Пелопидов, говоришь? Проклятие на них, мы ни при чем. Не очистить от него, говоришь? И не надо. От крови – очистим, а проклятие – чужая забота. Нам-то чего беспокоиться?

– Бедняга Хрисипп тоже вряд ли беспокоился – по малолетству. Пока эти двое его в Аид не отправили.

В разговоре Персеиды тщательно избегали называть опасных гостей по именам. «Сыновья Пелопса, родичи, эти двое...» Имя значило больше, чем просто набор звуков. Произнеси вслух – обернется молнией.

– Ха! Хрисипп – тоже Пелопид. Значит, и он – проклятый.

Одни проклятые убили другого. Нам-то что за дело?

– Ты сам напомнил мне о наших женах. Моя Лисидика, твоя Никиппа – кто они?

Сфенел расхохотался:

– Женщины! И, замечу, вполне бойкие.

– Дочери Пелопса, – отверг шутку Алкей. – Значит, дети наши тоже Пелопиды.

– Ты вечно осторожничаешь, брат, – не выдержал Электрион. Всем мощным телом он подался вперед. Охристый свет лампы заиграл на скулах микенца. – Сегодня ты превзошел себя. Далось тебе это проклятие!

– Оно не хворь, – поддержал Сфенел, – чтоб перекинуться на наших детей! Проклятие или есть, или его нет. Да хоть сотня Пелопидов заявись к нам очищаться!

Окажись в мегароне странник-рапсод – сложил бы героическую песнь, уподобив семейный совет Персеидов совещанию богов перед великой битвой. Еще не повержены древние титаны во главе с Кроном-Временщиком. Еще те, кого позже назовут Олимпийцами, собираются тайком – обсудить грядущее сражение:

Ликом и статью подобен Владыке Аиду, из братьев
Старший, лоб хмурил Алкей Тиринфянин, на тронос
Крепкий воссев и кручинясь великой кручиной.
Смелые речи держал, осуждая его осторожность,
Электрион, средний брат, Посейдону Морскому
подобный,

Сам не колеблясь, но твердь колебать уж готовый
всемерно.

К действиям всех побуждал, самый юный и сердцем
горячий,

Младший Сфенел, предлагая героям забыть про
опасность.

Был он похож на Зевеса, когда Громовержец вещает,
Зная уже – ему первому быть меж богами – и хмурясь:
«Бойтесь, о глупые, тучи – спит молния в туче косматой!»

И лишь четвертый, в углу притаившись неслышно,
Мраком сокрытый от глаз, словно Гермий, воров
покровитель,
Молча внимал сей беседе, не зная, чью сторону
выбрать...

То, что Гермий Психопомп на момент Титаномахии³ еще
не родился, рапсода вряд ли бы смутило. Однако бродячего
певца в зале не наблюдалось – кто б его пустил? – и совет
Персеидов, увы, остался невоспетым.

– Гони прочь легкомыслие, брат. Глупо будить спящую со-
баку. До сих пор проклятие Пелопидов дремало, и я не уста-
вал благодарить богов за милость. Но эти братоубийцы...

Не в силах усидеть на месте, Алкей рывком поднялся с
троноса – и поспешил налечь на дубовый посох, с которым
не расставался. Высохшая левая нога бацилея – память о бо-

³ Битва богов с титанами. Закончилась победой богов и низвержением титанов
в Тартар.

лезни, перенесенной в детстве – отказывалась держать массивное тело. С годами Алкей еще больше раздался в плечах и сделался грузен, отчего хромота усилилась. Гостей базилей Тиринфа встречал, заходя обосновавшись в кресле. Сидя он выглядел не просто сильным – могучим! – полностью оправдывая имя, данное при рождении. Но в мегароне собрались самые близкие родичи. Прятать изъян было не от кого. Отчаянно заваливаясь на бок, старший сын Персея в волнении ковылял по залу. Тень его, дергаясь, металась по стенам. Огненные блики плясали на лице и плечах. Блестки седины в волосах вспыхивали искрами – и гасли. Сейчас Алкей походил уже не на Владыку Аида, а на возбужденного Гефеста⁴, у которого что-то не заладилось в его лемноской кузнице.

– Как вы не понимаете? Вы, оба?! Наши гости – гром с ясного неба! Проклятье спит – они разбудят его... Стоит их принять, очистить – и Арголида умоется кровью! Я не провидец, но я чую беду...

Под сандалиями Алкея хрустел песок, которым был посыпан пол.

– Оставь будущую кровь пифиям, брат. Эти напророчат... Встал и микенский ванакт. Медленно, зная себе цену, огладил бороду. Статный, с фигурой борца, он казался едва ли не на голову выше старшего брата: хромота скрадывала рост Алкея. Львиная грива волос рассыпалась по плечам

⁴ Гефест – бог огня и кузнечного ремесла. Был хромым на обе ноги. Владел кузницами на Олимпе, Лемносе, Тринакрии.

Электриона, в свете лампад отливая золотом. Трудно было бы найти момент, когда микенец больше соответствовал своему имени: «Сияющий».

– Давай начнем с начала. К нам явились беглецы. Родичи, юнцы; а главное, просители. Здесь хозяева мы – Персеиды. Очисти мы гостей, дай приют и пропитание – станут делать, что скажем. Куда им деваться? Два воинственных молодчика – подспорье в любом хозяйстве. Не забывай, это два лишних копыя. А вот их отец, Пелопс...

Смех – хриплый рык льва – заклокотал в глотке Электриона.

– Пелопс дерзок не по годам. Он требует выдачи сыновей для суда. Если мы согласимся – проявим слабость. И вот тогда Арголида действительно умоется кровью. Ваш тесть, братья мои, давит слабых, как клопов. Персеиды уступили? – о, это добрый знак! Пелопс только и ждет возможности прибрать наши владения к рукам. Выдадим сыновей отцу – распахнем перед ним ворота.

«Ваш тесть» прозвучало так, словно дочерей Пелопса Проклятого выбрал Алкею и Сфенелу в жены не великий Персей, а лично Электрион, желая подчеркнуть свое превосходство над братьями. Сам же микенский ванакт в браке был вполне доволен дочерью Алкея – грудастая Анаксо нарожала ему тьму мальчишек, не меньше, чем водилось наследников у грозного Пелопса – и держал жену в кулаке, при случае напоминая, кто в доме главный. Человек проницательный,

Электрион понимал, что супруги – вполне бойкие, как заметил Сфенел – успели насквозь проесть плешь его братьям, требуя принять родичей-беглецов со всем почетом. Проклятие – проклятием, а родная кровь вопиет. Мы их на коленях качали, задницу подтирали; ты не откажешь мальчишкам, дорогой, ты их примешь и уважишь – иначе спи на холодном ложе, под рыдания любимой...

Всегда приятно, когда сварливая жена – не твоя.

– Хочешь войны, Алкей? Гони просителей, и получишь войну.

Едва отпылал погребальный костер Персея Горгоноубийцы – на два долгих года Ахайя и Аркадия, Арголида и Мессения, Лакония и Эпидавр, и даже Элида, исконная Пелопсова вотчина, замерли в ожидании. Из двух богоравных властителей – Персея и Пелопса – остался один. О страсти землелюбивого Пелопса к расширению владений знали все. Не он ли отобрал Олимпию у басылея Эпея? Не он ли пригласил в гости аркадийского басылея Стимфала – и разрубил гостя на куски? Персея, с которым боялись связываться не люди – боги, больше нет. Кто даст отпор захватчику в Арголиде? Электрион Персеид, ванакт микенский? Этот, конечно, встанет стеной. Жаль, сил у Микен маловато. Да и слава у ванакта не отцовская, сколько б Электрион ни пыжился. Кто еще? Ванакт Аргоса? Ха! Не смешите мои сандалии! Алкей Персеид, хромой правитель Тиринфа? Который все споры норовит решить миром? Что, нету больше никого? Жди гостей,

Арголида! Однако Пелопс медлил. Лаконцы и мессенцы, аргивяне и аркадцы измаялись в ожидании – и вот, похоже, дождались.

Алкей вернулся к троносу; крикнув от натуги, сел. Электрион тоже опустился в кресло – раздумал стоять столбом перед братом, словно подданный.

– Скорее уж Пелопс разгневается, если мы откажем ему в выдаче сыновей. Или притворится, что разгневался. Отказ – прекрасный повод для войны. Опасаешься проявить слабость, брат? – Алкей улыбнулся: он попал в больное место Электриона. – Но разве это слабость – выполнить законное требование отца? Вернуть ему сыновей для суда? Как по мне, разумное решение.

– Ты считаешь разумным уступить? – вскипел Сфенел, чувствуя себя забытым. Поздний ребенок, моложе братьев на полтора десятка лет, он ревниво относился к любым попыткам ущемить его достоинство. Ущемления чаще всего были плодом воображения Сфенела, но это не останавливало младшего Персеида. – С готовностью исполнить прихоть Пелопса? Дать ему понять, что здесь он не встретит сопротивления?!

– Прихоть? На месте Пелопса я бы тоже потребовал выдачи убийц. Мне рассказали, что произошло в Писе. Атрей и Фиест, – впервые хромой сын Персея назвал гостей, нуждавшихся в очищении, по имени, – хладнокровные убийцы. Они явились к жертве на рассвете...

Алкей продолжал говорить, и казалось: стены зала плывут утренним туманом, открывая взглядам буковую рощу, где меж деревьев ступают двое юношей. Подолы их хитонов были мокрыми от росы – высокая трава местами доходила молодым людям до пояса. Туман скрадывал звуки, но когда юноши остановились, первое же слово, произнесенное вслух, прозвучало с отчетливостью медного кимвала.

«Ягненочек,» – вот это слово.

– Ягнечок, – сказал Атрей.

Фиест кивнул.

Малыш, спящий у ног братьев-Пелопидов, был невинней капли воды на листе. Вольно разбросав руки, он обратился к просветлевшим небесам, приветствуя восход улыбкой. Что снилось юному Хрисиппу? Морфей, бог грез, хранит свои тайны от чужаков. Лишь птицы в дубраве заливались на все лады, приоткрывая миру краешек счастливых видений.

– Доброй ночи, братец, – сказал Атрей.

– Вечных сумерек, – добавил Фиест.

На рассвете эти слова звучали приговором. Может ли брат желать зла брату? Родная кровь – самой себе? «Может,» – вздохнул Уран-Небо, вспомнив серп, лишивший его мужества. «Может,» – содрогнулась Гея-Земля, вспомнив гигантов, ввергнутых в ее чрево после рождения. «Еще как может...» – шепнуло Время из черной бездны Тартара⁵. И эхом откликнулись, соглашаясь, мириады теней в Аиде. Хлебнув жертвенной крови, мертвецы вспоминали не грудь матери, ладонь отца или губы любимой – нож в братской руке вспоминали они.

– Ягнечок, – повторил Атрей.

⁵ Крон, бог времени, отец старших олимпийских богов, был низвергнут Зевсом в Тартар.

Фиест оскалился волком.

Боги благословили Пелопса Проклятого обильным потомством. Гипподамия, супруга владыки, рожала без усталости. Три дочери разлетелись по чужим гнездам, обеспечив отцу нужные союзы. Старшие сыновья искали счастья на стороне, приращивая исконные земли новыми городами. Младшие, Атрей с Фиестом, безотлучно находились в Писе, рядом с дряхлеющим родителем. Тронос, нагретый сидением Пелопса, казалось, ждал одного из них со дня на день. В детстве эти двое дрались без усталости, изобретая все более ужасные кары сопернику. Но стоило вмешаться кому-то из родичей – драчуны мигом объединялись против дерзкого, становясь плечом к плечу. Готовы сожрать друг дружку без соли, они ясно понимали, что лишь в союзе достигнут цели, а там – гори огнем, бывлой союз!

И вдруг – крепка, как бронза, старческая любовь! Ядовитей гадюки страсть лысых, чувства седых! Увидел Пелопс в роще нимфу Аксиоху, и утратил разум. Ответила нимфа взаимностью, вернув старику молодость. Родила ему сына – Хрисиппа, Золотого Жеребенка⁶. Все забыл Пелопс – стыд, честь, супругу, наследников. Хлебнув вина, кричал, что оставит венец последышу его чресел. А прочие – ищите, шлемоблещущие, других владений!

Кто герой, тот найдет.

Ничего не зная о заботах, родившихся вместе с ним, ма-

⁶ Хрисипп (Χρύσιπλος) – от χρυσός: «золото» и ἵπλος: «лошадь».

лыш Хрисипп рос здоровым и счастливым. Нимфа редко гостила во дворце – тень деревьев она предпочитала крышам домов. Дитя резвилось подле матери, играя на руках сатиров, засыпая на коленях дриад. Сейчас лишь безумец сумел бы представить Хрисиппа во дворце, с венцом на голове, отдающим приказы челяди. Но годы летят вихрем, и воображение безумца завтра способно обернуться правдой жизни.

– Давай, – сказал Атрей.

Фиест достал нож.

Нет, не смолкли птицы на ветвях. И лик Гелиоса не омрачился, надвинув тучу-шапку. Все осталось по-прежнему. Плясала в горах нимфа Аксиоха, вела хоровод с подругами. Убрел искать утех молоденький сатир, которому поручили следить за ребенком. И Зевс-Защитник не воздел громовой перун, желая воздать убийцам полной мерой.

– Чего ждешь? – спросил Атрей.

– Тебя, – ответил Фиест.

Хороший нож был у Фиеста. Длинный, тонкий, хищный. Этот нож, похожий на иглу, сын Пелопса купил на рынке у черномазого моряка, а тот утверждал, что привез клинок из далекого Баб-Или⁷. Врал, наверное. Атрей с полгода завидовал брату, пока не обзавелся заморской редкостью – серпиком из Черной Земли, похожим на клюв филина.

– Вместе, – сказал Фиест, присев на корточки.

– Боишься?

⁷ Баб-Или (Врата Бога) – Вавилон.

- Опасаюсь. Я его убью, а ты вывернешься чистеньким.
 - Кто мне поверит?
 - Поверят. Ты дашь клятву в храме. Ведь дашь, правда?
 - Я и так дам клятву. Думаешь, побоюсь?
 - Так тебя боги накажут.
 - Ладно. Будь по-твоему.
- Атрей встал на колени.
- Сердце.
 - Горло.
 - Договорились.
 - Тело бросим в колодец?
 - Да.

Игла вонзилась в грудь малыша, легко скользнув меж ребрами. Клюв разорвал жертве глотку. Это было в характере братьев. Фиест полагал себя человеком тонким, можно сказать, изысканным, и лишней крови не любил. Будь его воля, он сражал бы врагов цветком лилии. Атрей же считал, что настоящий мужчина ест мясо сырым, а вопль насилуемой девственницы слаще вздохов любовницы. Впрочем, Золотому Жеребенку не было дела до разницы во взглядах Пелопидов. Он ушел во тьму Аида счастливым – из сна в сон.

Далеко в горах закричала нимфа Аксиоха.

Матери нутром чувствуют.

– Так прямо и зарезали? – Сфенел скорчил недоверчивую гримасу. Игра теней превратила лицо младшего Персеида в глиняную маску. Такую мог бы слепить ваятель, пьяный до изумления. – А на базаре ввали, что ублюдка задушили. Войлоком.

– С каких пор базилей Тиринфа доверяет сплетням? – Электрион прищурился, словно сидел не в сумрачном мегароне, а на холме в знойный полдень. Слова брата про ублюдка пришлись ему не по сердцу. Микенский ванакт и сам имел внебрачного сына – правда, не от нимфы, а от фригийской рабыни – которого признал и держал во дворце, как законного. – Что стряслось в Писе, ведомо лишь богам. Хочешь, отправлю посольство к Дельфы? Закажем оракул...

– Оракул? – возмутился Сфенел. – Это ж два-три месяца...

– Вот-вот. А время не ждет.

– Пелопс в гневе: он потерял сына. Любимого сына. Глупо подбрасывать дрова в костер его ярости. Выдадим ему убийц – и пусть судит их сам. Это его сыновья и его право. Никто не станет пенять нам, что мы отказали в приюте братоубийцам.

– Никто не станет пенять Тиринфу! Но распоследняя потаскушка упрекнет Микены! И будет права – закон гостеприимства свят. Я уже принял гостей в своем доме.

– Ты поторопился, брат.

– Они ели мой хлеб! Пили мое вино!

– И спали с твоими рабынями. Да-да, я понимаю. Но теперь, когда явился гонец от Пелопса, ты можешь спокойно выдать их отцу, не потеряв лица. Один уважаемый правитель внял просьбе другого уважаемого...

– Просьбе?! Слышал бы ты эту «просьбу»!

– Гнев отца, утратившего сына, простителен. Кроме того, ты не хуже меня знаешь Пелопса. Даже смерть Хрисиппа он не преминет использовать в своих целях. Пелопс спит и видит наш отказ, как повод для войны.

– Ты предлагаешь мне уступить наглецу?!

– Я предлагаю слушать разум, а не сердце.

– Пелопс уважает только силу. Будь жив наш отец...

«О да, – вздохнул Алкей. – Тут ты прав, брат...» Он поднял взгляд. В дрожащем свете лампад фреска, расположенная над входом в мегарон, была едва различима. Но Алкей помнил ее до мельчайших деталей. Отсюда, с трона, он видел роспись ежедневно. На фреске ярилось багровое пламя, и из огня к темным небесам возносились двое, сотканые из звездного света – Персей и Андромеда. Будь Персей жив, не было бы никакого семейного совета. Отец принял бы решение сам, никого не спросив, и даже боги не осмелились бы перечить Убийце Горгоны.

«Ах, отец, почему я не умею – так?»

– ...отец бы не колебался ни мгновения! – Электрион

вскочил. Величественным жестом он указал на фреску, вторя мыслям старшего брата. – Персей не шел на уступки и не прощал оскорблений. Мы, Персеиды, опозорим его имя, если поступим иначе!

– Хорошо сказано, – поддержал Сфенел. – Боги слышат тебя, брат. Пелопс должен узнать: в Арголиде его слово – прах. Мы не выдадим ему беглецов. Если над Пелопсом тяготеет проклятье, это проклятье – мы, Персеиды. Война? – он получит войну.

«Наверное, отец, это потому, что я хром. Мне не выстоять против двоих. Мне не выстоять даже против пустого места...»

Мотылек, круживший у лампы, отважился подлететь ближе. Пламя жадно потянулось навстречу. Вспыхнули крылья, раздался слабый треск, и обугленное тельце исчезло во мраке. Пламя облизнулось рдяным языком и вытянулось к потолку – жало копья в ожидании новой жертвы. Маленькая, глупая смерть. В ней Алкею почудилось знамение.

– Отец не шел на уступки, – кивнул он. – Я – не отец. Я уступаю. Мы примем гостей и очистим от крови. Надеюсь, братья не сочтут мое согласие слабостью? Поводом для войны?

Шутка получилась скверной. К счастью, Электрион и Сфенел пропустили ее мимо ушей, радуясь окончанию спора – долгого и бесплодного.

– Вот это другое дело! Это говорит Персеид!

От белозубой улыбки Электриона в зале посветлело.

– Я знал, что ты мудр! – просиял младший.

Алкей не ответил. Впрочем, его ответа никто не ждал.

– Итак, – ликовал микенский ванакт, – завтра я возвращаюсь домой. Там я очищу Атрея и Фиеста от пролитой крови. После чего сообщу Пелопсу об отказе.

– Правильно!

– Но в Микенах эти двое мне не нужны. Попользовались моим гостеприимством – и хватит.

– Нам тоже не хотелось бы видеть их в Тиринфе.

– Кто б сомневался? Есть у меня мелкий городишко – Мидея. Дерьмо овечье, совсем от рук отбились. Отдам-ка я его Пелопидам. Пусть помнят, кому обязаны счастьем!

– Ты что, все продумал заранее?

– А как же!

Электрион, не скрываясь, гордился собой.

– Кстати, брат, – Сфенел вспомнил об Алкее. – Не думай о Пелопидах дурного. Ты один слух нам передал, а я другой знаю. Вчера мой человек из Писы вернулся, с новостями. Может, и нет на Атрее с Фиестом родной крови...

– Ягненок, – сказала Гипподамия.

Малыш, спящий у ног жены Пелопса Проклятого, был милей признания в любви. Свернувшись калачиком, он сосал большой палец, как младенец. Что снилось юному Хрисиппу? Морфей, бог смутных видений, кропит свои секреты маковым молоком. Лишь птицы в дубраве пели гимн рассвету, вторя радости детских снов.

– Славный, – без выражения сказала Гипподамия. – Спи, мой славный.

Может ли женщина принести зло ребенку? Чрево, способное к зачатию – плоду иного чрева? «Может,» – усмехнулась с небес Гера. Покровительница брака отправила бы в Аид всех ублюдков своего царственного супруга, падкого на смертную мякоть, когда б не страх перед гневом Зевса. «Может,» – всхлипнула в преисподней тень Ниобы, золовки Гипподамии⁸. Даже глоток из Леты не дал несчастной забвения: вот, тела дочерей Ниобы, и в них – серебряные стрелы Артемиды-Охотницы, ревнивой к чужой похвальбе. «Воистину может...» – согласилась Прокна-фракиянка, накормившая мужа страшным обедом – жарким из мяса их общего

⁸ Ниоба – дочь Тантала и сестра Пелопса; соотв. золовка Гипподамии, жены Пелопса. Детей Ниобы расстреляли Аполлон и Артемида, мстя за неуважительные слова в адрес их собственной матери Лето.

сына. И эхо согласия прозвучало от земного круга до солнечной колесницы: о да, мы помним и содрогаемся!..

– Зачем ты родился? – спросила Гипподамия.

Малыш не ответил.

– Нам на погибель?

«Смерти нет!» – возразила трель дрозда.

Всю жизнь Гипподамия кому-то принадлежала, и это было правильно. Сперва – отцу, владевшему ею как дочерью, и как женой. Отец знал правду жизни. Он любил Гипподамию и убивал ее женихов. Это длилось долго, но не вечно. В конце концов Пелопс убил отца Гипподамии, и она стала принадлежать Пелопсу. Муж знал правду жизни не хуже покойника-отца. Он брал Гипподамию ночью и наряжал днем. Она рожала мужу детей и озаряла красотой его царствование. Еще она принесла Пелопсу богатое приданое – Элиду, отцовское владение. Со временем красота ушла. Затем иссохло чрево. Осталось лишь приданое, увеличенное тщанием мужа стократ. Гипподамия сама не заметила, как стала принадлежать не мужчине – державе своего мужчины, Острову Пелопса. Она чувствовала себя символом, многоруким спрутом, где каждое щупальце – сын, в чьей власти город; и каждое щупальце – дочь, на чьем ложе спит владыка города.

Проклятье, лежавшее на Пелопсе, не смущало Гипподамию. Если власть, сила и долгая жизнь – это проклятие, любой захочет, чтобы его кляли на все корки. Женщина рас-

считывала умереть счастливой и обманулась. Мерзкая нимфа! Короста на ее белые ляжки! Полчища вшей на ее густые кудри! Ласки Аксиохи свели мужа с ума. Златовласый сынок Аксиохи затмил старику свет дня. Завтра Остров Пелопса содрогнется, утрачивая гордое название – сын нимфы воссядет на трон в Писе. «Остров Хрисиппа!» – скажет он...

– Нет, – шепнула Гипподамия. – Ты не скажешь этого.

Нож она выкрала у Фиеста. Длинный, тонкий, хищный. А второй, похожий на клюв – у Атрея. У нее две руки, значит, ей нужны два ножа. Сыновья не узнают – позже она вернет мальчикам любимые ножи. Клинки, омоченные в крови дрянного нимфеныша, принесут детям удачу. А если даже и узнают – сыновья простят и поймут. Наверняка они сами уже подумывают зарезать Хрисиппа.

Просто мать успела раньше.

Клюв вцепился спящему в горло. Рука Гипподамии не дрогнула – кровь хлынула ручьем. Малыш, еще во власти сна, забился рыбой, пойманной в сеть. Тело откликнулось быстрее рассудка, сгорая от неумейной жажды жизни. И последняя судорога – это юркая рыбка нырнула в сердце. Рыбка из бронзы, с острыми зубками. Был у нимфы сын, и нет.

Дело сделано.

– Мать! Что ты натворила?

– Зачем?!

Казалось, ножи обернулись людьми. Как сыновья нашли Гипподамию, как успели к еще теплomu телу сводного брата

– это осталось тайной, но вот они, Атрей с Фиестом. Стоят плечом к плечу, ее мальчишки, и гримаса ужаса не способна исказить прелесть их лиц.

– Ради вас, – сказала Гипподамия.

– Отец убьет тебя!

– Пусть убивает, – Гипподамия расхохоталась. Впору было поверить, что ей напороочили не гибель, а сундук золота. – Заберите ножи, мне они больше не нужны.

И пошла прочь, прекрасная, как в годы юности.

– Это сделали мы, – после долгого молчания произнес Атрей. – Ты понял?

– Да, – согласился Фиест. – Мы.

– Бери тело. Надо бросить его в колодец.

– Хорошо. Куда бежим, брат?

– В Микены.

– Хорошо, если так, – буркнул Алкей.

В голосе хромца не было особого доверия. Сказал, чтоб прервать молчание, повисшее в зале. А про себя отметил: средний брат не стал укорять Сфенела за «доверие к сплетням». Еще бы: этот слух делал из Пелопидов героев – вступились за мать, взяв вину на себя. Таких не очищать – чувствовать надо!

– Вот увидишь, – развивал успех Электрион, зачерпнув вина из кратера, – они нам еще пригодятся. Времена смутные, каждое копые на счету. А настоящих героев в Арголиде, сам знаешь – раз, два... Собственно, «раз» – и все. Вон, в углу сидит, отмалчивается. Встань, герой, покажись нам.

Мрак за колонной шевельнулся, обретая вид человеческой фигуры. Четыре шага из тьмы к свету: казалось, тень восстает из глубин Аида – с каждым шагом наполняясь жизнью.

– Радуйся, Амфитрион Персеид!

– И ты радуйся, дядя...

Встав в центре светового пятна от лампад, Амфитрион отметил, что дядя приветствовал его с умыслом – не Алкида, сына Алкея, но Персеида, потомка Убийцы Горгоны. Вровень с собой поставил! Усмехнувшись хитрому повороту дел, он шутливо крутнулся на пятках – любуйтесь, не жал-

ко! Отцова статья, без груза лет и хромоты. Таким мог бы быть Алкей в молодости, если б не проклятая болезнь. Де-дов прищур – только в отличие от покойного Персея, Амфитрион глядел в глаза собеседнику, а не поверх его правого плеча. Взгляд деда был взглядом смерти. Из глаз внука смотрел опасный, уверенный в себе хищник. Кудри и борода Амфитриона в сумраке мегарона отливали черной бронзой. Поди догадайся, какого они цвета на деле: каштанового? темно-русого? Широкий боевой пояс с бляхами из меди перетягивал хитон чуть выше бедер. На мускулистых ногах вместо сандалий – воинские эмбаты. Только что из похода вернулся? Или просто привык за долгие месяцы, сросся, как со второй кожей?

– Красавец! Гордись сыном, Алкей! Один он у тебя, зато орел...

Намек микенского ванакта был прозрачней воды в горном ручье. «Твой сын, брат, в отличие от тебя, герой. Но он один. А герой не должен быть один. Случись что, не приведи Зевс – без наследников останешься. У меня же – восьмерка законных, да еще прибудыш от рабыни. И повоевать есть кому, и у тронаса постоять...»

– ...Персеид! – продолжал восторгаться Электрион. – Не посрамил имя деда! Случись война – возглавишь войско, племянник? Ты ведь теперь лавагет⁹, верно?

– Надо будет – возглавлю, дядя.

⁹ Лавагет – полководец, военачальник.

– Достойный ответ! Добычи много взял?

– Не жалуюсь. Завтра сам увидишь.

– Завтра я возвращаюсь в Микены, – Электрион развел руками. – Если с рассветом привезут, может, и увижу. Дела, знаешь ли... Кстати, что ты думаешь насчет беглых Пелопидов?

Вопрос был задан из чистой вежливости. Мнение «героя» на державных весах значило меньше перышка.

– На войне проще, дядя. Вот ты, вот враг. А тут... У меня нет ответа.

– Ты рассудителен не по годам. Война и политика – вино и уксус. Не спешишь судить о том, в чем не уверен? Это хорошо...

– Особенно для молодого лавагета.

«Который должен знать свое место, – эхом отдалось под сводами недосказанное Сфенелом. – Воюй, племянничек. А судьбы городов оставь нам – правителям.»

– Совет закончен, – Электрион шумно поднялся с кресла. – Думаю, тебе, Алкей, не терпится обнять сына без свидетелей. Проводи-ка меня в баню, Сфенел. Всем Микены хороши, но дворцовая баня у вас, в Тиринфе...

– Душистого пара, дяди.

В дверях Сфенел обернулся.

– Весь в деда, – подмигнул он племяннику. – Говоришь мало...

– На войне болтать опасно, – согласился Амфитрион.

- Подслушают? Враги?
- Почему подслушают? Убьют.

На войну Амфитрион ушел через год после смерти Персея.

Война обреталась под боком. Юго-восток Аргολиды – скалистая Орея – изнемогал, силясь не уступить тафийским пиратам острова у побережья. Сперва казалось: лошадь отмахивается хвостом от назойливых слепней. Позже – зрелый воин отгоняет детвору с мечами-деревяшками. Шло время, лошадь и воин стали достоянием прошлого. Им на смену явилось новое сравнение: вепря, матерого секача, рвет стая псов. Тафийцам кровь из носу требовалось захватить хотя бы один остров, чтобы закрепиться на нем. Их родной архипелаг лежал на дальнем западе, в Ионическом море, рядом с мысами Ахайи – клювами хищных птиц, терзающими плоть волн – и горами нищей Акарнании. Но что значат расстояния для морских бродяг, промысляющих грабежом? Тафийцы кружили вокруг Пелопоннеса, как волки, взявшие жертву в кольцо. Или, войдя в Коринфский залив, перетаскивали корабли волоком через Истм – тридцать пять стадий не крюк – и резвились в здешних водах, как у себя дома.

Тафий, предок тафийцев, прозвал свой народ телебоями – Далеко Живущими. Что ж, телебои старались изо всех сил, чтобы сменить имя на Близко Живущих. Так близко, что упаси боги от подобного соседства. Ради этого даже предка

переродили заново, записав его в сыновья Посейдона и в правнуки – кого бы вы думали? – Персея Горгоноубийцы. «Правнук! – смеялся Амфитрион, узнав о новом родственничке. – Приманка для невежд! Но мудрецы – о, мудрецы знают...»

Память о болтливом рабе-педагоге жила в нем.

Шутка с правнуком оказалась не столь глупа, как думалось вначале – а главное, не столь безобидна. Родство с Персеем дарило телебоям права на Арголиду. Нелепые, призрачные, дурацкие – но, подкреплены копьями пиратов, права с каждым днем делались ощутимей. В народе поговаривали об уступках. Ну, остров. Ну, приберут к рукам. Там скалы да козы, а так люди поселятся. Поселятся – и поделятся. Пираты рядом с домом гадить не станут. Отстегнут за колку с плаща...

Ропот черни, согласной уступить ради выгоды, усиливал появление у телебоев нового вождя – человека, чья слава грозила потеснить славу великого Персея. Птерелай, сын Тарфия, внук Посейдона – нет, он не убивал Медуз, ограничась простыми смертными. Но в харчевнях от Афин до Пилоса знали, что Птерелай могуч как бог, грозен как бог – и, что важнее всего, неуязвим как бог. Стрелы летели мимо внука Колебателя Земли, копья промахивались, мечи разили воздух. Кое-кто уже прозвал вождя пиратов бессмертным. Дескать, божественный дед выпросил на Олимпе для любимца пифос нектара и два пифоса амброзии. Там, где появлялся Птерелай, бой завершался победой телебоев – но вождь сра-

жался редко. Не хотел искушать судьбу? Боялся, что пираты обленятся, уповая на него? Понимал, что в многолюдной свалке бессмертие может куда-то деться?

– Крыло Народа¹⁰, – судачили за вином. – Своих в обиду не дает...

– Добычу поровну!

– Нам бы такого...

Крыло Народа в последнее время парило над Сферией – островом, расположенным так близко к орейскому мысу, что в штиль на него можно было перейти вброд. Лакомый кусочек для телебоев; головная боль для правителя Ореи. Измученный набегами, басилей воззвал о помощи. Первым откликнулся – кто б сомневался? – Пелопс Проклятый, известный землелюбец. Он прислал сотню бойцов, во главе которой стояли двое сыновей Пелопса – лавагет Трезен и прорицатель Питфей. Военский дар одного и предвиденье другого на некоторое время укротили земельные притязания телебоев. Но людей для защиты побережья отчаянно не хватало. Чернобокие корабли Далеко Живущих возникали, как призраки из тумана – жгли, грабили, убивали. И тогда басилей воззвал еще раз.

– Да, – сказал Амфитрион, внук Персея. – Я слышу.

Вскоре из Тиринфа выступил отряд.

¹⁰ Птерелай – от πτερόν: «крыло, перо» и λαός: «народ».

– У тебя действительно нет ответа?

– На что?

От фальши в словах сына Алкей скривился, как от оскомины. Пытаясь скрыть неловкость, Амфитрион налил себе вина. Залпом осушил кубок, уронив цепочку багровых капель на хитон. Смотреть на отца он избегал.

– Не притворяйся.

– Ты про беглых Пелопидов?

Алкей молча ждал.

– У меня нет ответа.

– Врешь!

Крик отца ударил злее бича. Впервые Алкей повысил на сына голос.

– Вру, – вздохнул Амфитрион, и плечи его поникли. – Не хотел идти против тебя при дядях. Да и без них не хочу.

Вновь наполнив кубок, он сел в кресло, которое раньше занимал микенский ванакт.

– Значит, ты согласен с моими братьями?

– Согласен. Беглецов следует принять и очистить.

– У тебя есть доводы? Кроме тех, что уже прозвучали?

– Целых два довода. Питфей и Трезен, сыновья Пелопса. Не знаю, проклятые они, или нет, но с Трезеном я полтора года воевал бок о бок. А Питфей... Когда б не он, мы бы

остались без провианта, без стрел и копий, без лошадей... Отличные парни! Трезен погиб у меня на глазах...

Амфитрион умолк. Он до сих пор казнил себя, хотя умом понимал: в гибели Трезена нет его вины. Но понимать – одно, а раз за разом, засыпая, видеть во сне лицо мертвого друга – совсем другое.

– Верю, – кивнул Алкей. – Насколько мне известно, Питфей искренне горевал по убитому брату. Город в честь него назвал¹¹! И тебя, надо понимать, добычей не обделил. Только, заметь: Питфей уже правит Ореей.

– Басилей Аэтий пал в бою! Кто-то должен был занять тронос!

– О да, пустой тронос – к беде. Но у Аэтия остались сыновья. Двое, если мне не изменяет память? А правит землями Питфей Пелопид. Вот ведь как интересно получается...

Раньше Амфитрион и не подозревал, что на события в Орее можно взглянуть с такой точки зрения. Нахмурившись, он стал массировать пальцами виски. Казалось, голову стянул бронзовый обруч. И выпитое вино было тут ни при чем.

– Ты полагаешь, – после долгой паузы спросил он, – что Атрей с Фиестом, если их оставить здесь, тоже попытаются захватить власть? Как ты себе это представляешь? Питфей старше, еще и провидец. Знает, за какой конец меч держать. А тут – юнцы, крови не нюхали...

¹¹ Став правителем, Питфей соединил два города – Гиперею и Посейдониаду – в один. Новый город он назвал Трезенами, в память о погибшем брате.

Нюхали, подсказал рассудок. Если верен первый слух – кровь они очень даже нюхали. Разве что не пили. А если верен второй – люди, взявшие на себя вину матери, способны на многое.

– Зачем им? Дядя и так отдает Пелопидам город!

– Прав был Сфенел: ты судишь, как лавагет.

– О чем ты?

– Вот я, вот враг. Твои мысли? Басилей обязан думать иначе.

Амфитрион вскочил, опрокинув тяжелое кресло. Красный от гнева, он принялся мерять шагами мегарон. Песок яростно хрустел под ногами. В углу завел свою песнь сверчок – и стих в испуге. Сфенела молодой человек недолюбливал. Слова дяди уязвили его; наверное, потому что в значительной мере были правдой. И отец туда же!

– Ты полагаешь, – Алкей давил, как опытный борец, – что Пелопиды удовлетворятся жалкой подачкой? Плохо же ты их знаешь.

– Я знаю Пелопидов лучше тебя! Ты сиднем сидишь в Тиринфе, а я бился с Трезеном плечом к плечу...

– Сравни меня, Электриона и Сфенела. Все мы – сыновья Персея.

– Ну и что?

– Сильно ли мы похожи?

– Ладно, – укротив бешенство, Амфитрион остановился перед отцом. – А ты сам знаешь Атрея с Фиестом? Видел их?

Болтать-то о них могут всякое...

– Я никогда не видел этих юношей.

– Вот! Так как ты можешь...

– Зато я хорошо знаю, на что способен их отец.

– Он пойдет на нас войной, если мы не выдадим ему сыновей?

– Это было бы слишком просто.

Амфитрион поднял кресло, но садиться раздумал. Уперся крепкими ладонями в стол, словно зверь, готовый к прыжку: продолжай, отец! Глупый сын слушает тебя, мудрого...

«Мудрецы! – сверкало в его глазах. – О, мудрецы...»

– Я не исключаю, что визит юных Пелопидов – хитроумная затея Пелопса. Пожертвовать внебрачным малышом, чтобы законные сыновья обосновались в Арголиде. Закрепились и начали прокладывать дорогу к тронасам.

– Пожертвовать сыном?!

– Возможно, Пелопс и не замышлял зла. Просто воспользовался удачно подвернувшейся случайностью – смертью Хрисиппа. Или ты думаешь, что Проклятый настолько не владеет собой? Что в гневе он прислал требование о выдаче, граничащее с оскорблением? Желай он заполучить сыновей обратно, его слова, переданные гонцом, звучали бы иначе. Так, чтобы Электрион мог вернуть беглецов, сохранив лицо. И еще тешился бы мыслью, что владетельный Пелопс в долгу у Микен. Нет, мой хитроумный тесть не рассчитывал на выдачу сыновей. Напротив, он сделал все, чтобы ему отказали.

Теперь его дети в Арголиде, и я не жду от них добра.

– Что же ты молчал, отец?!

В сердцах хватив кулаком по столу, Амфитрион выпрямился во весь рост. Скала в человеческом облике нависла над хромым басилеем Тиринфа. Толкни пальцем – рухнет на голову.

– Почему не сказал этого братьям? Не убедил их?!

– Бесполезно. Решение было принято заранее, без меня. Совет собрали для соблюдения приличий. Я – старший, я – басилей Тиринфа, вотчины Персея. Братья нуждались в моем согласии. Они получили бы его, так или иначе. Я согласился, не желая ссоры.

– Боясь ссоры, ты подверг наши земли опасности? Почему ты хотя бы не попытался?! Я бы поддержал тебя! Отец, если ты уверен...

– Я не уверен. Имея дело со старой лисой Пелопсом, ни в чем нельзя быть уверенным до конца.

Не в силах больше стоять на месте, Амфитрион кинулся к очагу. Обхватил колонну, словно врага, сдавил, запрокинул голову к потолку. Рухни, дворец! Гибни, душа моя, вместе с сомнениями! Напротив, из огня фрески, возносились к небу дед с бабушкой – звезды, они не могли успокоить внука.

– Нашему дому грозит беда, – прохрипел Амфитрион, дрожа от гнева. – И ты ничего не сделал, чтобы ее отворотить! Однажды дед сказал мне: «Когда спасаешь кого-то – спасай. Не думай, как при этом выглядишь.» Я запомнил его слова.

Хорошо запомнил! Да знай я, что Пелопиды – угроза Тиринфу... Я понял! Ты с самого начала не верил, что они – враги! Ты спорил, чтобы показать: у тебя есть свое мнение! Чтобы братья тебя уговаривали, а ты в конце концов согласился! Я прав, отец?

Пальцы Алкея с такой силой сжали наверху посоха, что дерево жалобно затрещало. Казалось: дубовая палка сейчас расколется в щепки – либо полетит в голову сына.

– Нет, – прозвучал ответ. – Ты ошибаешься.

Амфитрион бросился прочь из мегарона. Воздух налился духотой, кляпом забивая глотку. Скорее, во двор – глотнуть вечерней прохлады, остыть... В дверях он споткнулся, словно налетев на стену. Это же его отец! Они не виделись полтора года. Пусть отец сто раз не прав...

Не таким представлял он себе возвращение домой.

– Прости меня, – тихо произнес Амфитрион. – Я погорячился. Жаль, мы с тобой – не провидцы. Тогда бы точно знали, чего ждать от этой парочки. Вот Питфей Пелопид – провидец. У него перед моим отъездом дочка родилась. Так он сказал: дочь родит ему внука – великого героя. Победителя разбойников и чудовищ¹². Я всю дорогу размышлял: каково это – быть дедом великого героя? Как быть внуком великого героя, я знаю. Трудно. Все тебя по нему равняют. А дедом? Отцом? Здорово, наверно, а?

¹² Эфра, дочь Питфея, родит от Посейдона сына – героя Тезея, убийцу Минотавра.

Алкей молчал, отвернувшись. Он знал, каково быть отцом героя. Герой, вернувшийся с войны, стоял в дверях. Молодой, сильный, увенчанный славой... «Будь у меня здоровые ноги, – думал старший сын Персея. – О, я бы навоевался вволю! И если бы остался жив – сейчас бы с добродушным снисхождением взирал на сына. Со мной бы говорили по-другому: и сын, и братья. А так... Отец – Убийца Горгоны. Сын – сокрушитель тафийских пиратов. Я же – калека-домосед. Кто станет считаться с калекой?»

За долгие годы Алкей привык к такому положению вещей. Притерпелся, смирился. Но слова сына разбредили в душе зарубцевавшуюся язву – и она отчаянно саднила.

– Ладно, отец. Утром увидимся.

Выйдя из мегарона, Амфитрион быстрым шагом пересек двор. Поднялся на стену – здесь он любил сидеть в детстве, наблюдая за закатом. На горизонте тлела узкая полоса, окрашивая море темной кровью. Море. Берег. Кровь. Слишком недавно. Слишком свежо в памяти.

Он не хотел об этом вспоминать. Он не мог это забыть.

За спинами телебоев – море. Море и ладья. За спиной Амфитриона – песок, скала и два мертвых тела. Безымянный песок, безымянная скала. Тела же и в смерти носят имена, известные всему Пелопоннесу. Аэтий, сын Антаса; базилей Ореи. Трезен, сын Пелопса; лавагет Ореи. Без имен тела не стоят ничего. Пыль, прах, Ареево мясо. Никто, и звать никак.

С именами – дороже золота.

Амфитрион хохочет. Телебои переглядываются, кое-кто делает шаг назад. Моряки суеверны, в любом чихе видят дурной знак. А внук Персея все захлебывается хрипящим, львиным хохотом. Два выхода, говорите? Однажды провидец – мудрый, ядовитый змей – узнав, как зовут Амфитриона, предсказал, что у того всегда будет два выхода из тупика. «Правда, ни один из них тебе не понравится,» – добавил прорицатель. Змей солгал. Сегодня судьба не оставила ему выхода. Вообще. По правде говоря, это нравится Амфитриону. Так нравится, что сердце вскипает котлом, забытым на огне.

...стрела зло клюет щит.

Камень – в ответ. Треск чужой голени.

Ну и славно.

Хочешь проклясть человека страшнейшим из проклятий

– пожелай ему умереть непогребенным. Желаете сделать добро, увидев гниющий труп – брось на него хоть три горсти земли. Ужасна смерть на море – утопленникам не знать покоя. Велик грех полководца, кто оставил павших воинов на глумление врагам. Безмерна вина правителя, лишившего верных бойцов костра и могилы. Где наш полководец? – убит Трезен, сын Пелопса, голова разmozжена секирой. Где наш владыка? – убит Аэтий, сын Антаса, копье в животе. Славную западную устроили вам телебои. Сам ты себе, Амфитрион Персеид, и царь, и военачальник.

Один ты в поле.

«Размечтался, – хмыкает рядом верный Тритон. – Один он...»

Тритон огромен. Тритон глуп. Тритон – тень. Часто ли вспоминаешь о собственной тени? Даже если тень защищает тебе спину, круша дубиной направо и налево... Скажешь ли про себя и свою тень: «Нас двое?» Бывает, что и скажешь. Двое против дюжины. Здесь на скалах растут сосны – парами. Смола – наружу. Янтарные кулаки горят медовым солнцем. Застыла кровь дерева, липнут к ней мошки. О чем ты думаешь, внук Персея?

Как о чем? – о крови.

Между Амфитрионом и телебоями – опрокинутая колесница. Две убитых лошади. Стена крепости; словно дома, в Тиринфе. Только в Тиринфе стена – ого-го, а тут стена – плюнуть и растереть. Сейчас телебои ринутся вперед, сомнут,

сокрушат. Увезут тела на поругание. Воздух пахнет смертью и тухлыми яйцами. Под Мефанами расположены целебные купальни. Из земного разлома хлещет вода – горячей крови, солоней крови. Летом купальни пустуют – слишком жарко. Нет холодной водички, чтоб омыться после. Разве что броситься в море, где ходят стаи «морских собак»¹³, жадных до человеческого мяса? О чем ты думаешь, внук Персея?!

О крови, боги свидетели.

О человечинке.

«Внук Персея? – спрашивает дед, хмурый как обычно. – Нет, ты сын хромого Алкея. Я – сын Зевса, а ты – сын хромого Алкея. Запомнил? В этом-то все и дело...» Я твой внук, возражает Амфитрион. «Ну и что? – удивляется дед. – Ты воздвиг крепость из колесницы и дохлых кляч. Ты ждешь, пока тебя возьмут приступом. Важно ли, чей ты внук?» Важно, кричит Амфитрион. Дед пожимает плечами.

Телебои смотрят на безумца, спорящего с воздухом.

Телебоям страшно.

Им становится еще страшнее, когда безумец отбрасывает щит. Их охватывает ужас, когда безумец прыгает через колесницу. В правой руке – копье, в левой – меч. «Внук! – гремит боевым кличем. – Внук Персея!» Убийственное имя, еще живое в памяти людей, летит над берегом. Крепость пала, лошади могут пухнуть на жаре. Амфитрион бежит, как

¹³ «Морские собаки» – акулы.

не бегал ни разу в жизни. Кажется, что у него выросли крылья – железные крылья Таната, Исторгателя Душ. Позади, не отставая, топчет гигант с дубиной.

Двое на дюжину.

«Персея... – эхом отдается в скалах. – Се-я-я...»

Жалко, позже скажет Тритон. Это он про глаз. Глаз тирренца свисает на щеку, Тритон отрывает его и бросает в море. Спустя две недели глазницу заполнит капля – бирюзовая, как мелководье в солнечный день. Тритон станет утверждать, что видит новым глазом лучше прежнего. Ему никто не поверит. Прозвище Циклоп приклеится к тирренцу до конца дней. Ну и ладно, скажет Тритон.

Он необидчив.

– Идем, – говорит Амфитрион. – Нам еще трупы тащить...

Тритон берет обоих мертвецов. Внуку Персея самому бы дойти.

– Едут!

По давней привычке Амфитрион проснулся с зарей. Розовые персты Эос¹⁴, одетой в шафранный пеплос, едва тронули шапку облаков на вершине Паутиной горы, а внук Персея уже был на ногах. Пробуждался он мгновенно, рывком выдергивая рассудок из трясины сна. На войне по-другому нельзя. «Война закончилась, – напомил себе Амфитрион. – Я дома.» Ночью ему не снился мертвый Трезен – ему вообще ничего не снилось, и, ополаскиваясь в лохани, он в мыслях возблагодарил за это Морфея с Гипносом.

Очнулся и дворец. По двору засновали рабыни. От кухни потянуло бараниной, жарившейся на вертеле. Визжала свинья под ножом мясника. Визжала смазливая девчонка, намекая, что ее можно ущипнуть еще разок. За компанию взвизгнула собака – бедолаге отдавили лапу. Есть не хотелось. Лепешка с сыром, глоток воды – родниковой, едва подкрашенной вином – вот и весь завтрак. Дядя грозился выехать в Микены с рассветом. Ну и где он? Колесница стоит под навесом, никто не спешит запрягать лошадей. Дрыхнет ванакт. От долгого сна, говорят, державная мудрость прибывает...

– Едут! Едут!

Амфитрион птицей взлетел на галерею. Со стороны Эпи-

¹⁴ Эос – богиня зари, сестра Гелиоса-Солнца и Селены-Луны.

давра на Тиринф надвигалось облако пыли. Гигантская сколопендра ползла, не помещаясь на дороге. Ее отвислые бока волочились по обочинам. В пыльном мареве тускло отблескивали сегменты панциря. При ближайшем рассмотрении сколопендра распалась на вереницу груженных повозок, десятков колесниц, сотню воинов и слуг – и дальше, дальше: табун лошадей, стадо коров, бесконечная отара овец, рекой текущая из-за холмов...

– Твоя добыча?

Дядя вырос за плечом.

– Откупное. Боятся, что я вернусь в Трезены.

– За их тронсом?

– Нет. Ем много, не прокормят.

– Смешно, – оценил Электрион. – Шути, племянник, сегодня твой день...

Он одобрительно хлопнул Амфитриона по спине.

– Пойду вниз, встречу.

Легко, словно был обут в крылатые сандалии, Амфитрион сбежал по ступенькам. Микенский ванакт начал спускаться следом – не торопясь, с достоинством. «Запрягать лошадей?» – сунулся к нему конюх из свиты. «Позже,» – отмахнулся Электрион. Желание взглянуть на добычу племянника пересилило. Наглый Пелопс обождет. И сынки Пелопсовы обождут. В Тиринфе праздник, надо уважить родича...

– Радуйтесь! – закричал Амфитрион, выбежав за ворота. – Вы дома, живые и с добычей!

В ответ громыхнул мощный хор голосов:

– Радуйся, лавагет!

– Радуетесь! – басил Тритон, ухмыляясь.

Подавая пример, детина честно радовался – сиял надрезанной медяшкой.

– Откуда у пиратов такие богатства? – заинтересовался дядя, догнав Амфитриона. – Ты пугаешь меня, родич! Неужели ты по пути ограбил Мидею с Лессой? Учти, Мидею я обещал Пелопидам...

– Цела твоя Мидея. В Орее кое-кто решил телебоев поддерживать. Политики, Танат их заberi! – Амфитрион искоса глянул на подошедшего Сфенела. Слушаешь? Вот она, твоя «политика»: на телегах в Тиринф едет. – В итоге расплатились с лихвой. Ну и Питфей расщедрился...

За Сфенелом увязалось все семейство младшего Персеида. Жена смеялась, всплескивая руками. Дочки бросились к повозке, груженной трофеями: щупать и восторгаться. Сфенел хмурился: зависть грызла сердце.

– Папа, мама! Смотрите, какой пояс!

– Красненький!

– С бахромой!

– Братик Амфитрион! Можно мне...

Амфитрион махнул рукой: бери, не жалко!

– Кыш отсюда! – суровый окрик Сфенела превратил дочек в испуганных цыплят. – Вы что, нищие? Отца позорить вздумали?! Попрошайки!

– Медуза! – опомнилась жена. – Алкиона! Идите к маме...

Алкиона отошла, надув губки. Прижалась к матери, с обидой зыря на отца. Малышка Медуза заупрямилась – и огребла пониже спины тяжелой отцовской ладонью. Захныкав, она бегом присоединилась к сестре.

В воротах объявились Алкей с Лисидикой.

– Это все твое, сынок?

– Мое, мама. Наше!

– Ты стал совсем взрослый...

Лисидика глядела на сына с гордостью и удивлением. «Неужели это ты? – читалось на материнском лице. – Мужчина, воин? Победитель? Давно ли я заставляла тебя взять в Аргос новый хитон, чтоб ты не выглядел голодранцем...»

– Проезжай, не задерживай! – деловито распоряжался советник Филандр. – Добро – в кладовые, там уже ждут. Овец – на северный выгон, к пастухам. Лошадей – на Пирейскую луговину... Куда прешь! Сказал же: скотину – к пастухам! Да не тебя, болван, а коров! Передайте, чтоб с нашими не смешивали. Посчитать надо будет...

Смех, крики, грохот телег. Ржание лошадей и мулов. Запахи конского пота, дегтя, свежего навоза. Радуга тканей и одежд, навалом лежащих на повозках. Амфоры с вином. Мешки с пшеницей и просом. Солнце подмигивает с пузатых боков чаш и кубков, с панцирей и шлемов. Медь, бронза, серебро. Золото.

Богатая добыча.

Амфитрион улыбался. Всем и каждому. Возничим и их лошадям. Тритону. Дядям. Маме. Хлопал по плечам соратников, охранявших обоз. Война закончилась. Он дома. Все хорошо. Все замечательно! И пусть кто-нибудь вспомнит ему дедушку Пелопса! Пусть кто-нибудь скажет, что он – проклятый!

Взгляд отца ударил его, будто гром.

Алкей стоял в стороне, опираясь на посох. Щурился, сплевывал пыль, скрипящую на зубах. Даже, вроде бы, смеялся. Но старший сын Персея был *отдельно*. Люди и телеги текли мимо, надрывался советник, а басилей Тиринфа просто смотрел. Все хорошо. Все сделают и решат без него. Как вчера на семейном совете.

Амфитрион встал рядом.

– Знаешь, отец... Поеду-ка я в Микены с дядей.

– С дядями, – поправил Алкей. – Сфенел тоже едет. Зачем это тебе?

– Хочу увидеть, что там за парочка. Чем дышат...

Алкей долго молчал.

– Хотел бы я знать, чей это поступок? – наконец сказал он. – Воина или правителя?

Позже, когда колесницы сына и братьев скрылись за холмами, и дорога опустела – Алкей, кряхтя, вернулся во дворец. Ему помогал дюжий раб – считай, тащил волоком. Время перевалило за полдень, но Гелиос медлил склониться к

западу. День тянулся и тянулся. У базилия оставалось еще много дел.

– Спасите! Пропадаем!

Гонец, безусый мальчишка, размазывал слезы по щекам. Одежду его составляла пыль. Она коркой налипла на голое, потное тело, превращая гонца в глиняного истукана. Впору поверить, что в Тиринф примчался не человек – свистулька, сделанная гончаром для забавы.

– Спасите...

– Толком говори! – рявкнул Алкей.

Басилей Тиринфа был не в том расположении духа, чтобы вникать в дразги черни. Межу на поле передвинули, свиненка украли; сельская дурочка родила от сатира, у младенца рога на заднице...

И тут гонец выдал толком:

– Пираты!

– Кто? – не поверил Алкей.

– Телебои!

– Где?

– В Навплии! Пропадаем...

– Много?

– Много! Целая ладья...

– Одна ладья?

– Здоровенная... спасите...

Вокруг загомонили. На побережье близ Тиринфа еще не

видели пиратов. «Началось? – вздрогнул Алкей. – Обломилось в Орее, решили здесь остров отхватить?» Он начал судорожно вспоминать ближайшие острова в Миртойском море. Питиус, Гидра... Питиус у самого входа в Арголидский залив! Золото песка, зелень сосен; благоухание мяты и розмарина. Отец в детстве возил Алкея на Питиус. Остров крошечный, но для телебоев сойдет...

«Боги, о чем я думаю?!»

Закружилась голова. Сердце ударило через раз; опомнилось, ринулось вскачь по камням. К горлу подкатил комок. Почудилось: отец рядом. Стоит, хмурится. Ждет. Прости, отец. Я подвел тебя. Я, хромой Алкей, ничтожество, севшее на твой трон. Лучше бы я всю жизнь просидел на складном табурете. Не злись, отец. С внуком тебе повезло больше.

«Сын уехал в Микены. Брат уехал в Микены. Младший брат, и тот...»

– Пропадаем!

«Послать за ними? Долго...»

– Мой доспех!

Он не узнал свой голос.

– А? – глупо спросили в толпе.

– Доспех! Мой доспех! Шевелитесь, болваны!

– У тебя нет доспеха, – тихо сказала какая-то женщина.

Алкей не сразу понял: это Лисидика. Жена, мать его детей. Бледная, как мел, прижав ладони к груди, она в одночасье высохла от страха. – У тебя никогда не было...

– Доспех моего сына! Быстрее!

Кто-то сорвался с места. Он вспомнил парня. Ликий, сын фракийца Спартака, ходил с Амфитрионом на телебоев. Волчонок вырос в матерого волка¹⁵. Ишь, бежит! Лишь бы доспех оказался впору...

– Опомнись! – шепнула жена.

Нет. Ему померещилось. Лисидика молчала.

– Филандр! Сколько человек может выступить немедленно?

– Полусотня, – откликнулся старый советник. – Дашь время, соберем больше...

– Некогда! К оружию!

Старик глядел на Алкея так, что хотелось обернуться: и впрямь, не стоит ли за плечом воскресший Персей? «Если бы!» – усмехнулся первенец Убийцы Горгоны. Алкей и не знал, как это прекрасно – жить наотмашь, ухватив за глотку змею рассудка. Главное – не дать гадине ужалить себя, впрыснув яд в жилы.

Одна ладья. Повезет – сорок телебоев. Не повезет – шесть десятков.

Справимся.

– Фирей!

– Я! – гаркнул второй сын Спартака.

– Будешь моим возницей. Иди сюда!

¹⁵ Ликий – Волчий (греч.).

И тоном ниже, едва парень встал рядом:

– Я возьмусь за твое плечо. Совладаешь с лошадьми?

Фирей кивнул.

– Точно?

– Да хоть за два плеча! – осклабился жилистый Спартак.
– Хоть за...

И осекся, вспомнив, где находится.

Доспех сел, как влитой. В плечах и груди Алкей оказался пошире сына, но Ликий умело распустил ремни панциря, повозился с пряжками, и все сошлось. Бедра охватил кожаный запон, усеянный бляхами. К запону Ликий прикрепил фартук из медных полос. Топорщилась щетка конских волос, окрашенных в цвет крови – гребень шлема. С наручей скалились львиные морды. С поножей – лики Медузы, в обрамлении разъяренных змей.

Добрая примета.

– Твои копья, базилей, – сказал Филандр. – Твой меч.

О боги! Он так и сказал: «Твои копья...» Быть сыном великого героя, подумал Алкей. Быть отцом великого героя. Это значит – быть между молотом и наковальней.

– Ремни! Несите ремни! И веревки...

– Зачем? – изумились оба Спартакида.

– Вязать!

– Кого? Пленных?

– Меня!

Взойдя на колесницу, Алкей сцепил зубы. Он ждал бо-

ли. Но все вышло проще – сухая нога давным-давно утратила чувствительность. Возница, сопя от сосредоточенности, привязывал «обузу» – так Алкей тайком звал ногу – к бортику, пеленая ее ремнями от лодыжки до середины бедра. Алкей рискнул перенести на «обузу» вес – и рассмеялся. Если опереться на копье, а правой рукой ухватиться за Фирея...

«Губитель! – воззвал сын Персея к богу войны. – Сто быков за один день!»

И увидел в небе коршуна – Арееву птицу.

Муки Тантала, изнывающего в Аиде от жажды и голода, страдания Сизифа, катящего в гору огромный камень, пытки Иксиона, распятого на огненном колесе – ничто в сравнении с дорогой от Тиринфа до Навплии.

Шлем скрывал слезы и глушил стон.

Шлем его сына.

Туча ползла с запада, от яблочного сада Гесперид на краю земли – сизый нож в мягкое подбрюшье неба. Отлежалась бронза в земле, сгнила по краям, выщербилась. Навстречу ножу багряной струей текла кровь солнца. Так и сошлись – нож и струя. Скользнули впритирку, заняли небокрай над Арголидским заливом. В щербинах бронзы – живой багрец. В дырах пурпура – хищный металл.

Быть беде.

На берегу, где окрестные мальчишки годами играли в Персея и Медузу, сгрудились телебои. Сохла ладья, вытасценная из воды. Задрав корму, она напоминала пленницу, распяленную для насилия. Вдоль борта, лопастями вверх, стояли весла. В десяти шагах от ладьи, концом зарывшись в песок, отдыхала мачта. Еще дальше, на безопасном расстоянии от корабля, горел костер. Огонь жадно лизал свиную тушу – жил кабан, да кончил жизнь на вертеле. Стекая вниз, жир шкворчал на углях. Привязанная к колышку, жалобно мекала коза.

Бедняге хотелось на волю.

По рукам шел мех с вином. Кормчий, сдвинув на затылок шапку из собачьей кожи, хлебнул дважды – видать, заслуги позволяли. Высокий, широкоплечий пират, хохоча, отобрал у кормчего мех. Но пить раздумал: повернулся к незванным

гостям – верней, незванным хозяевам – которые явились аккуратно к трапезе.

Алкей замахнулся копьем.

Мудрый, здравомыслящий человек, сейчас Алкей был новобранцем, впервые угодившим на поле боя. Весь его предыдущий опыт не мог подсказать: что делать? Ветеран орейских сражений, окажись он на месте старшего Персеида, сразу оценил бы главное – телебои ведут себя, как дома. Караулов, и тех не выставили. Ну хотя бы встрепелулись, заслышав стук колес и топот десятков ног! Нет же, вино пьют. Вопль рыдающего гонца: «Пропадаем!» – боги свидетели! – наверняка был преувеличением. Если Навплию только собираются грабить – чего ждут? Ночной тьмы? Если Навплия уже разграблена – где добыча? Где уведенные в рабство?

Кабан с козой, что ли?!

В поведении тафийских головорезов крылась загадка, которая удержала бы руку матерого вояки. Увы, рука Алкея подчинялась иным законам. Милостью судьбы он перестал быть калекой, сделавшись защитником, военачальником, первым вступающим в битву. В крови кипел алый пламень смертных и серебряный ихор Олимпийцев – многих поколений бойцов, готовых рвать соперника зубами. Безошибочно определив жоака, он изо всех сил метнул копье в высокого пирата. Метнуть следом за первым и второе копье Алкей не догадался. Сын Персея опирался на него, как на посох, а метать посох – святотатство для хромца.

– А-а! – выдохнули за спиной тиринфяне.

В момент броска Алкей поклялся бы щитом Афины, что копье поразит цель. Уверенность царила в нем, даруя ясность чувств. Но высокий пират тряхнул гривой темных волос, вопреки обычаям доходившей телебою до лопаток, и странный блеск ослепил Алкея. Словно золотая нить впилась в зрачок, прорастая в мозгу лозами дурмана. Цепкие усики добрались до руки, державшей оружие – вцепились в жилы, мышцы, навязывая чуждую волю. Копье сорвалось в полет, воплощенной смертью пронизывая воздух. Мелькнув у плеча жертвы, избранной Алкеем, оно поразило кормчего в лицо. Хрустнула переносица, уступая напору медного жала; миг, и лопнула шапка на затылке, выпуская острие на свободу. Кормчий опрокинулся на спину, дергая ногами. Укоренясь меж глазами тафийца, копье вознесло к небу тупой конец древка.

В ответ горизонт полыхнул багрянцем.

Гибель врага – нектар для воина. Даже Алкей принял свой промах за победу. Он моргал, пытаясь избавиться от сверкания золотой нити, а в сердце пенилось счастье – жгучее, хмельное. Отец, беззвучно кричал Алкей. Видишь ли? Дед мой небесный! Внемли, Громовержец! Арей, гроза мужей, благодарю! Жизнь моя – тебе, Губитель...

– Бей! – взорвался тиринфский отряд.

Телебои схватились за оружие. Пираты уже были готовы встретить врагов бронзой, когда вожак зарычал, как разь-

ярный лев – и, не дожидаясь своих, не давая чужим опомниться, ринулся на Алкея. Так надвигается волна, вздымая клокочущий гребень к облакам. Так шторм, казавшийся дымкой на горизонте, встает отовсюду, сжимая корабли в губительных объятьях. Ухватив колесницу за край днища, вожак одним рывком опрокинул ее – вместе с возницей и Алкеем. Молодой Фирей вылетел прочь камнем из пращи. Алкея придавило; лошади взбесились, захлебываясь истощенным ржанием – быть сыну Персея размазанным по гальке, да вожак поймал лошадей под уздцы, смиряя силу силой. Беспомощней младенца, всхлипывая от боли в ноге – здоровой, ибо сухая не знала боли – Алкей смотрел, как вожак, только что спасший ему жизнь, из-под косматых бровей сверкает глазами на тиринфян, и те ежатся под взглядом силача, будто напроказившие дети.

– Я – Птерелай, сын Тафия!

Низкий голос вожака распугал чаек в небе.

– Кто вы такие?!

– Алкей... – каждое слово давалось чудовищным усилием. – Сын Персея...

– Алкей Персеид?

Птерелай махнул рукой. Двое телебоев бегом кинулись распрягать лошадей. Сам же вожак решил было поднять колесницу – и лишь тут заметил, что его несостоявшийся убийца привязан к бортику. Grimаса изумления искажала черты Птерелая. Вернув самообладание, он стал возиться с ремня-

ми. Освободив Алкея, он ощутил ноги тиринфского базиля с ловкостью воина, привыкшего к чужим ранам – и еще раз наморщил лоб, когда понял, что левая нога Персеида высохла не сейчас, и не в прошлом месяце. Прикосновение к здоровой, правой ноге вызвало у Алкея хриплый вопль.

– Сломана, – сказал Птерелай. – Ничего, срастется...

Легко, как ребенка, внук Посейдона поднял на руки внука Зевса.

– Готовьте носилки, – велел он тиринфянам. – Отнесите раненого домой.

Покаясь в мощной хватке Птерелая, Алкей видел свое копьё. Оно торчало из лица кормчего – гномон солнечных часов смерти. Время отмеряется тенью, думал Алкей. Тень уходит в Аид, и начинается новое время. Алкей моргнул, и в его глазах угас блеск золотой нити. Сознание милосердно оставило хромца, канув во мрак.

– Вот и славно, – кивнул Птерелай. – Так проще.

...песок взрыт ногами и копытами. Бурые пятна крови. Опрокинутая колесница – левое колесо откатилось в сторону. Так уже было в детстве, в скальном лабиринте меж Тиринфом и Аргосом. Над трупами лошадей жужжат мухи – жирные, зеленые. И над телами людей – мухи. Мертвые глаза равнодушно уставились в небо, дотла сожженное солнцем. Сверху вопят чайки, мечтая о падали.

Амфитрион знает, что спит, Амфитрион не имеет сил проснуться. Сон мешается с явью; вопреки очевидному, в груди тлеет уголек надежды – на этот раз все будет иначе. Он успеет, переломит судьбу: мертвецы останутся живы...

Два тела на песке. Он снова опоздал.

Сон выворачивается наизнанку. Исчезает Тритон – верная тень. Один ты, Амфитрион, против дюжины. Некому прикрыть спину. И еще – тела. Раньше они были позади. А теперь смотри – убитый лежит прямо перед тобой, в двух шагах, придавлен колесницей. Взгляни в лицо бедняге – и попробуй сдержать крик.

– Отец?!

Телебои подступают, закрываясь щитами. Кое-кто, прячась за строем товарищей, натягивает лук. Но ты не видишь врагов. Ты – камень. Ты – статуя. Ты – воплощение скорби.

Рядом с отцом, раскинув руки, лежит Персей, Убийца

Горгоны.

– Как же так, дед?

Мертвец молчит.

– Медуза, гвардия Аргоса, вакханки... И какие-то морские разбойники?

– Разбойники! – соглашается эхо. – Пираты!

Строгий дед высматривает кого-то в небе. Своего отца? Олимпийца, который побоялся забрать сына с погребального костра? Может быть, здесь, во сне...

– Пираты! Тревога!

Знать бы, когда он успел выскочить в коридор. Голый, с мечом в руке, готовый разить – один на дюжину, на сотню! – к счастью, коридор оказался пуст. Амфитрион замер, прислушиваясь, и с опозданием сообразил, что сон кончился. Он в Микенах, во дворце дяди; он выскочил из гостевой комнаты, не помня себя – и хорошо, что никто не попался под горячую руку. Зарезал бы спросонья, и глазом не моргнул.

– Пираты! К оружию!

Пираты? В Микенах?!

В гостях у дяди он бывал редко, и плохо помнил здешние лабиринты. Чужак мог бродить по дворцу, словно дитя в подземельях Крита, путаясь в кладовых, спальнях, ваннах и жилых комнатах, преследуемый визгом женщин, возмущенных вторжением в гинекей – и молить богов о чуде, которое прекратило бы его муки. Как восторженный, Амфитрион кинулся на голос, мысленно взывая к Гермию Три-

кефалу¹⁶: не дай сбиться с пути! На поворотах, укреплены в розетках треножников, чадили светильники. Трещали фитили, воняло прогорклым жиром. Один светильник он едва не снес. Только пожара не хватало! По стенам, сложенным из необожженного кирпича, металась тень – съезживаясь до размеров карлика, упираясь макушкой в потолок. Тень силилась догнать хозяина. Казалось, за ним по пятам следует призрачный Тритон. Вослед Тритону-призраку, сыпля проклятиями, топал Тритон во плоти. Верный тирренец спал у порога, как пес, и сын Алкея сослепу хорошенько пнул его по ребрам. Хор воплей надвигался, катился навстречу штормовой волной. Сломая голову Амфитрион вылетел из-за угла – и пламя факелов полыхнуло в глаза. На миг ослепнув, он сбил с ног какого-то человека. Острый аор¹⁷ молнией метнулся вперед, замер у кадыка.

Ужас в расширенных зрачках.

– Сфенел?

Меч сделался тяжелей наковальни.

– Что происходит?! – Амфитрион отвел клинок в сторону.

– Не знаю! Кто-то поднял тревогу...

Сфенел зашелся кашлем, судорожно прочищая горло. В

¹⁶ Трикефал – «Трехглавый». Эпитет Гермия, как бога перекрестков.

¹⁷ Аор – меч с прямым, широким и мощным клинком. Таким мечом Одиссей сумел выкопать канаву шириной в локоть, а Гектор – разрубить ясеновое копье Аякса. Слово «аор» также обозначает вооружение стрелка – лук и колчан. Великан Хрисаор, сын Медузы Горгоны, в разных переводах значится как Златой Меч и Златой Лук.

отличие от племянника, он успел набросить льняную эксомиду¹⁸. В руке – кривой кинжал. Эх, дядя, подумал Амфитрион. Мирный ты человек. Другой бы уже пырнул меня в живот. А так... Выскочи на тебя враг – ты б кашлял в лодке у Харона.

– Где Электрион?

Сфенел повел головой туда-сюда, проверяя, цела ли шея. И лишь затем пожал плечами. Вокруг топтались, гомонили люди. Большею частью нагие, как Амфитрион; кое-кто – в плащах на голое тело. Хватали друг друга за руки, спорили взахлеб, брызжа слюной:

– Пираты! Напали!

– Где стража?!

– Да не на нас напали! На Тиринф!

– Врешь! На нас!

– Гонец из Тиринфа прибежал...

– Какой Тиринф?! На эту... Навпилию...

– Навплию!

– А я что говорю? Высадились с дюжины ладей...

– ...и давай всех резать!

– Где гонец? Гонец где? У него спросим...

– Вырезали?

– Не успели. Басилей Тиринфа с отрядом на выручку...

– Алкей? Он же хромой!

¹⁸ Эксомида – разновидность легкого хитона, не стеснявшая движений. Концы эксомиды связывались на левом плече.

– Вот тебе и хромой!

– Убили базилея. Сам Птерелай и убил.

В груди Амфитриона сжался медный кулак. Сердце превратилось в ледышку; миг, и оно вспыхнуло жарче горна в кузнице. Шагнув вперед, он плечами растолкал людей, схватил болтуна за шкуру:

– Ты! Повтори, что сказал!

– Да врет он! Он с молодых ногтей врет...

– Жив Алкей! Раненый...

– Ты! – Амфитрион отпустил насмерть перепуганную жертву. Палец уперся в грудь бородача, утверждавшего, что Алкей жив. – Откуда знаешь?

– Гонец донес!

– Где гонец?

– К ванакту побежал!

– Где ванакт?

– Да вот же он!

Толпа расступилась. Света прибавилось: факелов наташили уйму. Языки пламени образовали огненный коридор, и по нему размашистым, уверенным шагом шел Электрион-Сияющий. Среди общей паники ванакт не утратил царского достоинства. Это вы голышом, говорил его облик. А мы – при всем величии. Темный пурпур фароса заткан звездами; хитон белей снегов на вершине Олимпа; пояс скреплен золотыми «когтями», на ногах – креpidы из воловьей кожи...

За ванактом едва поспевал гонец. Амфитрион узнал ти-

ринфянина. Ну конечно же, это Гий, сын терета Филандра! Друг детства изменился, став подобием своего деловитого отца. Приятели встретились взглядами, и Гий – мрачней ночи – сразу отвернулся, до дрожи испугав этим Амфитриона. Неужели тронос Тиринфа опустел...

«Сон в руку?» – издеваясь, спросила память.

– Сфенел? Амфитрион? Идите за мной.

Стража у дверей, ведущих в мегарон, расступилась, пропуская Персеидов. Миг, и двери захлопнулись за их спинами, отсекая ванакта с родней от гудящего улья толпы.

Они все здесь – семья ванакта. Восемь сыновей Электриона – с копьями в руках, юноши стоят плечом к плечу, закрывая мать и сестру. Славные парни, думает Амфитрион. Глядят волками. Небось, и с клыками все в порядке.

– Успокойтесь, – поднимает руку ванакт. – Мы в безопасности.

Сыновья протестуют.

– Тихо! На нас никто не нападает. Хотите прослыть дураками?!

С явным разочарованием юноши опускают оружие.

– Рассказывай, – велит хозяин Микен гонцу. – С начала и по порядку.

Гий шагает вперед:

– Вы уехали, а днем прибежал гонец из Навплии. Телебои, мол, высадились. Басилей приказал: «К оружию!» И возглавил...

– Почему за мной не послали?!

В голосе Электриона клокочет едва сдерживаемый гнев.

– Долго! Пока туда, пока обратно...

– Продолжай.

Не в силах хранить спокойствие, ванакт мерит зал шагами – из угла в угол. «Семейная черта? – предполагает Амфитрион. – Когда волнуемся, места себе не находим...» Рас-

сказ Гия краток. «Ну зачем, зачем я потащился в Микены?! – пальцы в бессильной ярости сжимают рукоять меча. – Не мог день-другой обождать?!» Словно наяву Амфитрион видит, как отца привязывают к колеснице. Калека идет в бой. «Когда спасаешь кого-то – спасай. Не думай, как при этом выглядишь...» Не эти ли слова толкнули хромого Алкея на вырубку наплийцам? Запоздалый стыд обжигает щеки. И ты, щенок, еще смел укорять отца?!

Старшего Персеида?!

Берег. Ладья на песке. Копье со свистом уходит в полет. Падает кормчий. Ай да отец! С первого броска! Он ведь никогда не воевал... Ярость вожака телебоев. Истошное ржание. Треск опрокидываемой колесницы. Куда вы смотрели, земляки, дети Ехидны? Калека-басилей – единственный мужчина в отряде! Ну почему сына Алкея не оказалось рядом?! Вместе они бы...

Потупленные взоры. Позорное возвращение в Тиринф.

– Жив! – выдыхает Амфитрион. – Хвала богам!

– А пираты?

Ванакт ждет ответа.

– Уплыли, – Гий пожимает плечами. – Чего им ждать? Пока мы войско соберем? Отец лазутчиков отправил – проследить. А меня – в Микены...

С опозданием до Амфитриона доходит, о каком «отце» говорит Гий. Ну конечно же, о своем! Филандр всегда был правой рукой басилея...

– Что с моим братом?

– Лубок на ногу наложили. Лекари от него не отходят. Уверяют: поправится. Но ходить еще долго не сможет. Думаю, это не страшно. Басилей и раньше был не из ходячих...

– Я еду в Тиринф!

Это произносит не Амфитрион. Позже молодой человек дорого дал бы, чтобы первым сказать заветные слова. Увы, мечтами прошлого не изменить. Перед ванаком стоит Анаксо – жена Электриона, старшая дочь Алкея. Заметно постарев за годы семейной жизни, располнев от многочисленных родов, сейчас Анаксо скинула десяток лет, готовая сорваться с места – мчаться, ехать, бежать!

– Мой отец ранен. Ему нужна помощь, уход...

– Ты останешься дома! – с раздражением бросает Электрион.

– Это мой отец!

– Замолчи, женщина.

Ванакт хрипит. Все слышат рык разбуженного зверя.

– Если у тебя нет сердца...

Тяжелая оплеуха швыряет дерзкую на пол.

Тишина берет мегарон в плен. Чуть слышно трещит пламя в критских светильниках – массивных треножниках из бронзы. Хмыкает старший из сыновей Электриона. Остальные смеются. «Правильно! – звучит в смехе. – Рожденная прясть должна знать свое место. Ну, мать – что с того? Даже Гере Хранительнице запретно повышать голос на божествен-

ного супруга!» Только что юноши были готовы умереть, защищая мать и сестру. Они готовы и сейчас – ворвись в зал враги, Электриониды встретят их копьями. Это не мешает братьям смеяться над матерью, которая ворочается на утоптанном полу. Венчики пыли берут Анаксо в кольцо. Женщина оглушена. Она стонет сквозь зубы – и из-за мужских спин вылетает бешеный вихрь. Облако разметавшихся волос – черной тучей. Плащ цвета морской волны – крыльями.

Взгляните, Олимпийцы – грозный мотылек!

– Мама! – Алкмена падает на колени рядом с матерью. – Вставай...

Гневный взгляд прожигает братьев насквозь. На дне двух смоляных озер горит отраженное пламя светильников. Кажется, стены вот-вот вспыхнут.

– Герои!

Презрение затапливает мегарон, вытесняя тишину.

– Богоравные! Сосуды доблести! Персеиды!

Амфитрион каменеет. Ему чудится: в зале воскресла бабушка Андромеда.

– Где вы были? Где?! Мой дед, хромой калека... Единственный – Персеид!

В мрамор превращаются все.

– А вы... Бейте нас, герои! Меня, маму – бейте, могучие!

Такие слова – смертный приговор. Это мои мысли, думает Амфитрион, любуясь самоубийцей. Я, воин, промолчал. Она же...

– Прячьтесь за Алкеевой спиной! Бейте нас, рубите мечами...

У ванакта дергается щека. Лицо наливается дурной кровью. Ударь молния посреди зала – Электрион не заметит. Копье старшего из сыновей меняет владельца. Сына – на отца. Жало нацелено в грудь дочери. Жало дрожит от нетерпения. Копью хочется разить. Копью не дают. Копье держат две руки. Рука дяди – и рука племянника.

...успел, понимает Амфитрион. На сей раз – успел.

Каменеют мышцы. Вздываются жилы. Дыхание со свистом рвется наружу. Летят мгновения – капли в клепсидре. Нагота против царского пурпура. Сила против силы. Копье со стуком падает на пол. Электрион храпит, как загнанная лошадь. И начинает хохотать, сгибаясь в три погибели. В зале переглядываются. На лицах – испуг. Неужели боги лишили ванакта разума?

– Персеиды! – вопит хозяин Микен. – Бешеные! Наша кровь...

Палец тычет в онемевшую Алкмену.

– Сочувствую твоему будущему мужу!

Теперь хохочут все мужчины.

– Завидую ее мужу, – тихо говорит Амфитрион.

– Нравится? – ванакт кивает на дочь. – Забирай!

И хлопает племянника по плечу, едва не сбивая наземь:

– Клянусь Олимпом, она твоя!

Стасим

19

С террасы были хорошо видны отроги Айноса. Густо поросшие черными елями, они казались выточенными из меланита²⁰. Вершину укутали облака, скрывая блеск снегов. Зевс спит, подумала Комето. На Тафосе бытовала примета: если алтарь Зевса Айнесийского, воздвигнутый на макушке горы, утонул в шерсти облачных овец – Громовержец дремлет, и можно не беспокоиться.

Загадывай желание – сбудется.

Над морем собиралась мгла. Прекрасней весеннего ковра фиалок; ужасней кровоподтека на детском лице. Мгла клубилась, перетекая из праздника в кошмар. Свет солнца размывал в ней белесую проталину. Там, в млечной глубине, погромыхивало – колесница Гелиоса плясала на щербатом краешке неба. От воплей чаек закладывало уши. Ветер, подкрадываясь исподтишка, шаловливым псом трепал край пеплоса. «Давай летаем?» – предлагал ветер. Ни за что, отказывалась Комето. «Почему?» – изумлялся ветер. Ты предатель, объясняла Комето. Не ты ли по просьбе Эроса выкрал для него хрупкую Психею? Не ты ли из ревности подтолкнул

¹⁹ Стасим – песня, исполняемая хором между эпизодами.

²⁰ Меланит (от μέλας: «чёрный») – полудрагоценный камень из группы гранатов. Используется в качестве траурных украшений.

диск, убивший красавца Гиацинта? Не ты ли, наконец, топишь ладьи моего отца, когда они идут у берегов Мессении? «Я? – изумлялся Зефир²¹. – Ты меня с кем-то путаешь, дитя...»

И снова:

«Давай полетаем, а?»

Немая рабыня – девочка, привезенная отцом с Киферы – внесла блюдо с черепашьями яйцами. Брызнула водой на смоквы и ягоды тутовника, заранее уложенные в корзину-плетенку.

– Возьми, – разрешила Комето.

Рабыня отчаянно замотала головой.

– Бери, дура! – с притворной злостью крикнула Комето.

Кланяясь, рабыня взяла яйцо. Искоса глянула на хозяйку, взяла второе. Это была их излюбленная игра: в покорность и строгость. Впрочем, девочка знала: провинись она всерьез, и Комето не задумается перерезать ослушнице горло. Девочка уже видела, как оно бывает.

– Отец вернулся?

Да, жестом показала рабыня.

– Где он?

Девочка переплела пальцы – так она показывала, что Птерелай с сыновьями.

– Обидеться, что ли? – задумчиво спросила Комето.

²¹ Зефир – западный ветер. Считался губительным; позднее представлялся как нежный, мягкий ветерок.

Пятясь, рабыня исчезла.

Лет до двенадцати Комето, дочь Птерелая Тафийца, считала себя мальчиком. Судьба одарила отца шестью сыновьями от шести жен. Родив мальчишку, жена умирала. Лекари диву давались: с чего бы здоровой женщине исчахнуть за месяц? Воля богов, не иначе... За спиной Птерелая лекари шептались о страшном. Печальную судьбу жен они связывали с неуязвимостью мужа. Ссылались на проклятие Медузы – изнасилованная Посейдоном, дедом Птерелая, та прокляла бога-насилъника. С тех пор детям и внукам Колебателя Земли не везло с законными супругами. С наложницами Птерелая везло больше – их у вождя телебоев была уйма, и все оставались живы, хоть и бесплодны.

Так или иначе, четвертая жена Птерелая – здоровенная бабища с Закинфа – кроме сына, успела принести мужу еще и дочку, прежде чем сойти в Аид. Дочь росла в буйной компании братьев, которые – редкость в царских семьях от Крита до Фракии – обожали сестру до умопомрачения. Дрались с ней по любому поводу, таскали с собой на скалы – обирать птичьи гнезда; бранились, пока не хрипли, дарили подарки и через день отбирали... Но стоило любому из Птерелаевых отпрысков поймать косой взгляд, брошенный чужаком в сторону Комето, или услышать шуточку, отпущенную по поводу имени сестры²² – вся шестерка гурьбой кидалась на смельчака, не глядя, сверстник это или взрослый мужчина.

²² Комето – Волосатая, Косматая (от греч. κομήτης).

Нет, не шестерка.

Комето бросалась в бой седьмой, но никак не последней.

Когда у нее начались женские крови, это мало что изменило. Рабыни быстро просветили любимицу вождя насчет «красных слез чрева»; она приняла это, как должное. В конце концов, у Хромия слабый нос – тронь перышком, сразу кровит. А крошка Эвер мается головной болью в преддверии грозы. Комето сама растирала ему виски и затылок душистым маслом. Если братья уязвимы, отчего бы сестре остаться чистенькой?

– Айнос ниже Олимпа, – сказала Комето, глядя на море.

Это присловье она подхватила у отца. Для постороннего сказанное не несло особого смысла. Всякий знал, что Айнос и впрямь гораздо ниже Олимпа. Разве Щитодержец²³ избрал бы своей обителью гору, если бы та хоть на палец уступала ростом соседкам? Тайна присловья заключалась в понимании: кем бы ты ни был, боги над тобой. Птерелай – внук Колебателя Земли – часто повторял очевидное: Айнос ниже Олимпа! – и лицо отца делалось каменным.

– Небо выше Олимпа, – улыбнулась Комето.

Это была их с отцом тайна. Кем бы ты ни был, судьба над богами. Отец не любил, когда она говорила про небо в его присутствии. Хмурился, сдвигал брови к переносице. Словно боялся, что дочь подслушают.

Крупная бабочка села на перила. Комето протянула руку,

²³ Щитодержец (Эгиох) – эпитет Зевса.

и бабочка без страха перебралась к ней на палец. «Красавица,» – шепнула девушка. Крупная, не меньше броши, привезенной из земель хабирру, беспечная летунья сверкала золотом. Сзади крылья украшала кайма, черная с синим, и красно-бурый «глазок» – точь-в-точь осколок сарда. Шевеля усиками, бабочка переползла на центр ладони. Дочь Крыла Народа еще раз улыбнулась – щекотно! – и сжала пальцы в кулак.

– Небо выше Олимпа, – повторила она.

Раскрыв ладонь, Комето дунула – и прах взмыл в воздух.

– Зачем? – спросили от двери.

И, не дожидаясь ответа:

– Лови!

Она поймала заколку на лету. Отец знал, чем одарить Комето. Серебряная волчица скалилась, защищая детенышей. Сделав вид, что ей зябко, девушка накинула плащ, ранее лежавший в кресле, застегнула пряжку на груди – и прикрепила заколку рядом с пряжкой. Пусть волчица думает, что пряжка – волчонок.

Пусть охраняет.

– С чем вернулся? – спросила она.

Иная за такую грубость пострадала бы от родительского гнева. Но Птерелай обожал, когда «мышка скалит зубки». Жаль, сегодня отец не поддержал игру. Большой, *текущий*, он единым движением оказался у перил – и уставился на вершину Айноса, словно впервые видел гору.

– Димант погиб, – бросил он. – Кормчий.

– Жалко?

– Да. Очень.

Еще одна их заветная игра. Узнав о гибели кого-то из телебоев, Комето спрашивала: жаль ли отцу погибшего? Если тот молчал, или отвечал: «Нет,» – она сразу переводила разговор на другое. Воин, которого не жаль, не заслуживает поминальных слов. Но если отцу жалко, да еще очень...

– Кто убил Диманта?

– Алкей Тиринфянин. Старший из Персеидов.

– Он же калека!

– Он – сын Убийцы Горгоны. Я стоял рядом с Димантом...

Комето вздрогнула. Когда гибли лучшие, слишком часто потом звучало отцовское: «Я стоял рядом...» Нет ничего удивительного, что лучшие в бою стоят бок о бок с вождем. Но когда вождь неуязвим, а те, кто рядом, чаще обычного тенями сходят в Аид...

– Ты убил этого Алкея, – убежденно кивнула девушка.

И изумилась, услышав:

– Нет.

– Почему?

Мысль о том, что Алкей мог оказаться сильнее отца, даже не пришла ей в голову. Олимп выше Айноса, небо выше Олимпа, но Птерелай сильнее всех, и хватит об этом.

– Мне нужна земля в Арголиде. Остров, наконец. Значит, мне нужна родня в Арголиде. Басни о моем родстве с Пер-

сеем – их мало. Тебе пора замуж, Комето.

– Он же старик!

Представилось: дряхлый калека Алкей, сипя и чихая, ложится на нее. Да она глотку перегрызет муженьку! Вторую ногу сломает! Тиринф горькими слезами умоется, если их мерзкий базилишка хоть пальцем коснется дочери Крыла Народа...

– У него есть сын. Амфитрион молод и хорош собой.

– Ты сошел с ума, отец!

Судя по Комето, она, услышав о сыне, готова была без раздумий согласиться на хромого старца. Девушка раскраснелась, в глазах плясали гневные зарницы. Пальцы сжимались и разжимались, будто искали рукоять ножа.

– Он убил Леода! Он убил Ктесиппа! Тримед, Элпенор – он убил их всех! Ты сам рассказывал мне – он бился над телами Трезена с Аэтием, и прикончил всех наших...

Тримед учил ее метать дротики. Ктесипп брал ее на ладью, давая подержаться за кормило. Леод подарил ей белого ослика. Теперь они мертвы, а Комето станет добычей их убийцы.

– Я бы гордился таким супругом, – пожал плечами отец.

Волна откатилась, и вот – Птерелая больше нет на террасе.

Он убил Леода, подумала Комето. Этот Амфитрион... Он убил Тримеда. Элпенора он тоже убил. И многих, многих. Один против всех. Он убивал, как отец. Гнев телебоев тонул в его ярости, как щепка в штормовой пучине. Над мо-

рем клубилась мгла, и в темной кипени девушка видела сына хромого Алкея.

Великолепного убийцу.

Мужа, которым она будет гордиться.

Эписодий второй

Любая страсть похожа на лихорадку, и, подобно воспалившейся ране, особо опасны те болезни души, что сопровождаются смятением. Один считает, что в основе всего суть атомы и пустота? Мнение, конечно, ошибочное, однако ни страданий, ни волнений, ни горестей оно за собою не влечет.

Плутарх Херонейский, «О суеверии»

1

Дорога на Тиринф решила проявить норов. Скакала горной козой, выворачиваясь из-под колес, петляла лисой-беглянкой, пыталась завести в Лернейское болото, в скальный лабиринт – а еще лучше, оборваться в пропасть, чтобы с высоты расхохотаться эхом вслед неудачнику. Гея-Земля и Уран-Небо ополчились против человека, гнавшего колесницу из Микен в Тиринф. Но Амфитрион, как в детстве, закусывал губу, да крепче сжимал вожжи, вынуждая храпящих лошадей идти рысью, не срываясь в бешеный галоп. Вспоминая, как правил его дед Персей, молодой человек срастался с колесницей в единое целое – многоглавого кентавра.

– Хаа-ай, гроза над морем, хаа-ай, бушует Тартар...

В свинцовом небе хмурились тучи – брови Громовержца. Ветвистая молния ударила за холмами. На миг все озарилось мертвенным, иссиня-белым светом. Прадед-Олимпиец предупреждал дерзкого потомка: остановись! поверни обратно! Раскат грома напугал коней. Твердая рука возницы смирала животных и вновь послала вперед – правнук не внял предостережению. Амфитрион спешил к отцу, и не было в мире силы, способной остановить его.

– Хаа-ай, Тифон стоглавый, Зевс-Кронида язвит дракона...

Дедова песня помогла. Кони пошли ровнее, и даже горизонт посветлел. Ворота крепости распахнулись перед упрямым. Караульные салютовали Амфитриону копьями. Ликующей песней звучал грохот колес по камням, знакомым с детства. Он ворвался в покои отца, как был – в запыленном плаще, с темными разводами на лице, пропахший грозой и конским потом.

– Отец!

Лекарь, сморщенный, как прошлогодняя смоква, шарахнулся прочь. Алкей на ложе повернул голову. Могучее тело бацилея скрывалось под льняным покрывалом. Чудилось: там – мраморная статуя. Живой, по недосмотру Медузы Горгоны, осталась лишь отцовская голова. Алкей сурово смот-

рел мимо сына, куда-то за спину – так раньше делал покойный дед.

Амфитриону захотелось обернуться.

– Зачем приехал?

– Узнал, что тебя ранили...

– Ты лекарь? Наемная плакальщица?

– Я волновался за тебя!

– Ты воин, или баба заполошная?! Раненых не видел?

– Сердишься на меня, отец?

– Ты говоришь, как мальчишка, – Алкей отвернулся. – Ты и есть мальчишка.

В груди Амфитриона закипала обида, мешаясь со стыдом. Ну да, он виноват. Он надерзил отцу перед расставанием. Его не оказалось рядом, когда он был нужен. Отец ранен, но это не дает тиринфскому бацилею права... В смятении чувств молодой человек уже хотел выбежать вон, когда Алкей задал вопрос:

– Ты видел Пелопидов? Чем они дышат?

– Я не успел...

– И ты осмелился вернуться? Даймон тебя заberi! Небось, чужую землю бодрей защищал! За долю-то в добыче! А дом родной хоть сгори в огне... Кто вызвался узнать все о Пелопидах? Кто корчит из себя героя? Кто голым по микенскому дворцу скачет?!

Лицо Алкея стало иссиня-багровым, будто сплошной кровоподтек. Речь превратилась в невнятицу, в хриплый рык.

Басилей повел широкими плечами, сбрасывая покрывало, и начал подниматься с неотвратимостью штормовой волны. Мощный торс Персеида защищал панцирь, похожий на черепаший – доспех намертво врос в тело. К дерзкому сыну протянулись две волосатые ручки, сгребли в охапку...

– Амфитрион!

Он вывернулся, отпрыгнул прочь. Зашарил в поисках меча...

– Амфитрион! Очнись! Это я...

Взор прояснился. В углу, закрываясь бронзовым треножником, трясся Гий, друг детства. К счастью, светильник горел на другом треножнике, иначе не миновать пожара. Я в Микенах, вспомнил Амфитрион. Во дворце дяди. Бурная ночь, похоже, длилась. Ну да, из мегарона он вернулся в свою комнату, долго ворочался на ложе, убеждая себя: с утра надо ехать к отцу. Пелопиды никуда не денутся – он вернется в Микены через пару дней...

Скажи кто-нибудь Амфитриону, что в глубине души он отчаянно не хочет ехать в Тиринф, страшась разговора с отцом – сын Алкея без раздумий заехал бы доброхоту по зубам.

– Ты чего? Взбесился?!

Гий медлил вернуть треножник на место.

– Сон, – буркнул Амфитрион. – Дурной.

– Я тебя добудиться не мог. Решил за плечо потрясти... –

Гий потрогал разбитую губу, скривился. – Ты меня чуть не

пришиб. Здоровый, как титан...

– Дрянь снилась. Извини.

Амфитрион накинул хитон: и впрямь, хватит по дворцу голышом разгуливать. Заколол ткань двумя пряжками – золотыми львицами; препоясался ремнем из волчьей кожи. Одевался он медленно, стараясь за обыденным делом скрыть смущение. В ушах до сих пор звучало: «Небось, чужую землю бодрей защищал! За долю-то в добыче!..»

– Зачем разбудил?

– Ты в Тиринф собрался?

«Тебе-то что за дело!» – едва не сорвалось с губ. Еще под впечатлением от дурацкого сна, Амфитрион с трудом удержался от грубости. Он покосился на Тритона – накрывшись овчиной, тирронец безмятежно дрых у порога. От Тритонова храпа дворец содрогался, как от землетрясения. Охранничек! И не спросишь: зачем пустил? Дурак дураком, а Гия Тритон знает издавна...

– Надо отца проведать.

– Не надо. Оставайся в Микенах.

– Почему?

– Во-первых, отцу ты ничем не поможешь...

Увидев, как побледнел сын Алкея, Гий замахал руками:

– Да нет, я в хорошем смысле! Лекари возле него днюют и ночуют. Будь спокоен, базилей ни в чем не нуждается.

– Это было «во-первых». А «во-вторых»?

– Понимаешь... – Гий замялся. – Базилей, он... Видеть

никого не хочет.

– Первый бой? Да, я понимаю.

Произнес он это вслух, или только подумал? Свой первый бой Амфитрион запомнил навсегда. Его отряд наткнулся на телебоев волей случая. Перевалили через холм – и вот она, деревня, где вовсю идет грабеж. Визг свиней, крики; на дороге – два трупа. Мешаясь с пылью, кровь превратилась в бурую грязь. Внезапного нападения не получилось: их заметили. Амфитрион неся по склону, на бегу целя копьём в лицо рябого детины. Сейчас жало вонзится в щербатый оскал, высаживая оставшиеся зубы...

Глухой лязг: копьё скользнуло по щиту.

Дальше были медь и бронза, дубленая кожа и голое тело. Жгучий пот; влажный хруст. Соль на губах. Глаза забрызгало горячим и липким. Мир оделся в пурпур. Все закончилось, а он еще рубил мечом проклятого телебоя, не замечая, что сражается с мертвецом. Рубил, колол, кромсал; отбросив меч, голыми руками вцепился в шею – убитым дышать ни к чему, а он, дурак, старался, давил, чувствуя, как костенеют пальцы...

«Отец вдвое старше меня...»

Он видел, как люди гибнут, не успев нанести удар. Ломаются, превращаясь в труху. Бегут, не разбирая дороги. Бросают оружие, закрыв лицо руками. Видел, как от страха первыми кидаются в бой – обращая врага в бегство. А за спиной ревут десятки товарищей, идя в атаку лишь потому, что

больше всего на свете они боятся прослыть трусами. Но каково это – взяться за копье, прожив всю жизнь калекой?

– Почему Птерелай не убил моего отца?

– Не знаю, – смешался Гий.

– Я должен...

– Алкей не станет беседовать с тобой.

– Прогонит взашей?

Дурной сон был свеж, как рана.

– Встретит, словно чужого. Будет молчать и глядеть мимо. Лекарь заверяет: это пройдет. Со временем. Оставайся в Микенах, ладно? Мы дадим тебе знать...

– Не слишком ли ты настойчив? – Амфитрион встал, навис над другом детства; упер руки в бедра. – Тебе велели меня отговорить? Да?!

– Твоему отцу нужен покой...

– В глаза! Смотри мне в глаза! Ну?!

И Гий сломался:

– Сфенел тоже возвращается в Тиринф.

– Что с того? – опешил Амфитрион. – Он торопится проведать раненого брата...

– Если базилей ранен, кто-то должен заменить его. Выслушивать просителей, разрешать споры... У Алкея есть брат – и есть сын. Я плохо владею копьем, но эти весы мне знакомы!

– Споры? Не хочу я решать споры козопасов и гончаров! – возмутился сын Алкея. Сказанным Гий вязал его по рукам и ногам. – Пусть спорами занимается Сфенел...

– Да? А я уж было решил...

– Что?

– Что один бойкий герой не прочь занять тронос Тиринфа, – сообразив, что жизнь его висит на волоске, Гий затараторил: – Ты спросил, почему Птерелай не убил твоего отца, вот я и подумал...

– Чем ты подумал? Задницей?! Отец напал первым. Копье отца отправило в Аид кормчего ладьи. И вот вам – Птерелай пощадил хромого Алкея! Калеку пожалел, да? Я полтора года воевал с телебоями! Знаю я их жалость...

– Люди с годами меняются. Тебя долго не было дома... Не сердись! Ты – воин, внук Персея. Я же – сын советника. Отец учил меня видеть в словах второе дно. Случается, я вижу его там, где дна нет и в помине.

– Значит, так, сын советника... Утешь моего дядюшку: пусть посидит на тронесе, пока отец выздоравливает. Я не стану ему мешать. Но я возвращаюсь домой, и хватит об этом.

Внезапно Гий успокоился:

– Сфенел не поверит, что ты доброй волей уступаешь ему Тиринф. Даже на время. Будет искать подвох – и в итоге найдет повод для ссоры. Вы с ним никогда не ладили.

– И что мне теперь? Домой – ни ногой?!

– А ты хочешь, чтоб твой дом вскипел котлом на костре? Тиринфяне любят тебя. Все любят победителей! Знаешь, сколько было разговоров о тебе, да о твоей добыче? Но и

у Сфенела есть сторонники. Допустим, ты ни во что не станешь вмешиваться. Одно твое присутствие в Тиринфе уже развяжет людям языки. А там и до кулаков недалеко, и до ножей.

– Все так серьезно?

– Более чем. Пусть Сфенел погрееет трон, порадует. Глядишь, глупостей наделает. Поправится Алкей, ты вернешься, твой отец со временем передаст тебе трон...

– Дался вам этот трон, – буркнул Амфитрион, сдаваясь. – Ладно, остаюсь в Микенах. Но едва отец пойдет на поправку...

– Сразу сообщим!

– И скажи, чтоб пригнали сюда мой скот. Овец, коров...

– Всех?! – ужаснулся друг детства.

– Советничек! Тебя слушаешь – голым по миру пойдешь... Всех не надо. Гоните так, чтоб пристойно выглядело. И подарки из добычи отбери. Дяде, сестре, остальным... Не нахлебником же мне в Микенах сидеть!

«А ведь я позволил себя уговорить, – с опозданием сообщил Амфитрион, когда многоречивого Гия уже и след простыл. – Как отец на семейном совете. Только отца вдвоем уломали, и то с трудом... А на тебя, герой, одного Гия хватило. Ты, помнится, еще отца укорял...»

На душе было гадко. В ней, как мухи над выгребной ямой, жужжали два мудреца, донимали вопросами. «Почему все-

таки Птерелай пощадил твоего отца? – зудел первый. – Ты веришь в благородство вождя телебоев? И вообще, что делали пираты близ Навплии? На единственной ладье?» Не знаю, отмахивался Амфитрион. Поди прочь! «Тогда, может быть, ты знаешь, – приставал второй, – с чьего голоса пел твой друг детства? Со своего собственного? Вряд ли. Папаша-советник надоумил? Или дядюшка Сфенел? Не лезь, племянничек, куда не надо, кукуй в Микенах! А мы тронос седалищем погреем – глядишь, прилипнем...»

У дверей ворочался Тритон: чуял раздрай.

Храпом грозил врагам.

Тонкий и мягкий ремень из кожи хорька был насквозь пропитан оливковым маслом. Сперва – набросить петлю на запястье. Теперь обмотка. Виток – на мизинец. Виток – на безымянный палец. По витку – на средний и указательный. Обмотаем ладонь – слой за слоем. И в конце закроем ремнем большой палец, пустив финальные витки опять же на запястье...

– Не туго? – спросил Амфитрион.

Старший сын Электриона сжал и разжал кулак.

– Отлично!

Шутя он нанес удар, целясь Амфитриону в глаз, повторил шутку – и, смущенный, оставил пустое занятие. Одно дело, когда твои удары не достигают цели, как говорится, «на шаг муравья». Этим можно гордиться. И совсем другое – когда мишень, не двигаясь с места, глядит на тебя с немим вопросом: что дальше?

– С кем будешь биться?

– С Горгофоном. А ты?

– Я слаб в кулачном бое, – отговорился Амфитрон. – Я буду зрителем.

– Может, судьей?

Не дожидаясь ответа, парень умчался на площадку – там его, приплясывая от нетерпения, уже ждал брат-близнец.

Высоко подняв руки, бойцы закружили по утоптанному песку. Дрались Электриониды, как принято на состязаниях – целясь сопернику в голову, и никуда больше. Руки они обматывали по новой моде – только правую. Шлемами парни пренебрегли. Амфитрион быстро перестал соображать, кто из братьев Горгофон, а кто – Амфимах. Он и раньше путался в дядиных сыновьях, как ребенок в дремучем лесу. С ужасом глядя на четыре пары близнецов, награжденных вдобавок общим семейным сходством, он безнадежно гадал: Горгофон? Филоном? Номий? Нет, Номий выше, а это Еврибий... Или не Еврибий? Близнецы, подумал он. Жребий нашего рода. Приятно ли бить лицо, до мелочей сходное с твоим? Наверное, после боя подслеповатый старец – и тот без труда различит братьев. Или они – мастера ставить друг дружке одинаковые синяки?

Гимнасий, куда его привели, потрясал роскошью. Комнаты для игры в мяч и борьбы, крытые галереи для бегунов, колоннады из голубого известняка; «масленица» и «песочница»²⁴, бани с дюжиной водостоков, украшенных мордами волков – по ним вода ближайшего ручья текла в пять бассейнов; сад с тенистыми аллеями, портики, где беседовали мудрецы, услаждая взор соперничеством гибких юношей...

«Мудрецы! – усмехнулся Амфитрион. – О-о, эти мудрецы...»

²⁴ Элеотесион – комната, где атлеты натирались маслом. Конистерсион – комната, где умашенные борцы обсыпались мелким песком.

Всю дорогу, пока они шли в гимнасий, шумная орава Электрионидов упражнялась в остроумии. Спор касался жизненно важного предмета, висевшего у Амфитриона между ногами. Ночью, в мегароне, всем выпало счастье рассмотреть сей геройский предмет в подробностях. Тем не менее, впечатления разделились. Одни утверждали, что это прыщ. Другие – что копьё. Ну точно, копьё! Такими сражались мирмидоны²⁵, когда еще были не людьми, а муравьями. Третьи задумчиво изучали свой мизинец, сгибая палец крючком. Наконец младший предложил спросить у сестры. Женщины, мол, больше смыслят в заячьих хвостах. Амфитрион задумчиво намекнул, что готов оторвать кое-кому его додонский дуб, и сравнить размеры. Обсуждаемый предмет сразу вырос в глазах Электрионидов, и к концу пути сравнялся с Олимпом.

«Болтуны! Мой Олимп в ваши тучи...»

Ему наскучил бой. Слишком часто кто-нибудь из близнецов уходил в глухую защиту, скрыв голову предплечьями. Второй, утратив единственно возможную цель, вертелся рядом и принимал грозные позы. Амфитрион пожалел, что отказался быть судьей – гибкая палка живо намекнула бы ловкачу, что оборона – обороной, а зрители, как и боги, жаждут крови. Сидя в крепости, сражения не выиграть. Вон, ближе к саду – ишь, рубятся...

²⁵ Мирмидоны – народ в Фессалии. В прошлом – муравьи, людьми они стали волей Зевса.

Двое юнцов, незнакомых сыну Алкея, и впрямь лупили друг дружку с превеликим усердием. Казалось, они соревнуются в том, кто ловчее использует правила в свою пользу. Делая вид, что целят в челюсть или скулу, парни искусно *промахивались*. Кулаки со смачным чавканьем врезались в шею, плечи, подмышку, а то и под лопатку, если соперник слишком уж размахался, подставив спину. Впрочем, это не мешало бойцам честно выколачивать дурь из молодых голов. Шлемы, на которые пошла толстая шкура вола, спасали от части. Амфитрион в восхищении цокнул языком – и прикинул, что на месте судьи не сумел бы поставить хитрецам в упрек ни один из промахов.

Должно быть, сказалась бессонная ночь – в юнцах ему примерещились тени недавнего прошлого. Мертвец, поселившийся в снах Амфитриона, воскрес и явился в гимнасий. Сын Алкея сощурился, вглядываясь. Ну да, вон и плечо белое... «Кто вызвался узнать все о Пелопидах? – громыхнул в сознании вопль отца. – Кто корчит из себя героя?» Амфитрион вспомнил, как в детстве, терзаемый намеками на проклятие дедушки Пелопса, изучал свое левое плечо: нет ли родовой метки – пятна цвета слоновой кости...

Плечи кулачных бойцов украшали «костяные» пятна. Ошибка исключалась: в гимнасии дрались Атрей и Фиест, сыновья Пелопса Проклятого. Беглецы от родительского гнева; братоубийцы, если молва говорила правду. Никто из микенцев не согласился бы составить пару Атрею или Фиесту

– кровь, пятнавшая беглецов, требовала очищения. Сойдись с таким – бойся скверны! Сама судьба понуждала младших Пелопидов выходить из положения по-братски. Бей родича, борись с родичем, обходи родича на беговой дорожке – больше-то некого бороться и обходить!

«Бедолаги,» – посочувствовал Амфитрион.

И отметил, что Электриониды тоже предпочитают колотить родню.

Словно подслушав его мысли, юнцы прекратили бой. Тяжело дыша, содрали шлемы; рысцой кинулись к лохани с водой, на ходу сматывая ремни с кулаков. Здесь Амфитриона ждало второе потрясение. Умытые, Атрей с Фиестом чертами очень напоминали Питфея с Трезеном – Пелопидов-старших, на чьей стороне сын Алкея бился полтора года. Пройдет время, у Атрея заляжет питфеева складка между бровями, у Фиеста разбегутся трезеновы морщинки в углах глаз...

– Ну как? – крикнул ему Атрей, отфыркиваясь.

Амфитрион промолчал.

– Не понравилось? – засмеялся Фиест, становясь в стойку. – Иди сюда!

Амфитрион поднял к небу указательный палец: сдаюсь, мол! И не удержался от смеха – так заразительно хохотал Пелопид. «Они же мне дяди! – громом ударила запоздалая мысль. – Клянусь щитом Афины, дяди! Братья моей матери...» Веселье захлестнуло его бурной волной. Зевс-Гостеприимец, я должен отнестись к ним с уважением! Дядя – вто-

рой отец, наставник и опекун. Пелопиды научат меня, глу-
пого, кулачному бою...

«...братьев резать научат...»

– Сдался! – возликовали дяди. – Эй, тихоня! Сам-то что
умеешь?

Повернувшись к Пелопидам спиной, Амфитрион зашагал
к стойке с оружием. Выбрал копье по руке, смерил взгля-
дом расстояние до чучела, облаченного в старый доспех. Да-
лекогато, подумал он. Ладно, сойдет. Первый бросок пора-
зил щит, выставленный вперед. Следующее копье угодило в
столб, служивший чучелу ногами. Успех окрылил Амфитри-
она. Взяв сразу два копья, длинное и короткое, он для пробы
взмахнул длинным. Годится... Миг, и пара Зевесовых мол-
ний – одна за другой – устремилась в полет. Та, что покороче,
врезалась в щит, заставив чучело содрогнуться. Жало вто-
рой мелькнуло над краем щита, вонзившись жертве в «ли-
цо», между нащечниками шлема. Дерево треснуло с оглуши-
тельным хрустом. Чурбан, заменявший чучелу голову, отва-
лился и запрыгал по земле, волоча за собой глубоко вошед-
шее копье.

На третьем прыжке чурбан раскололся пополам.

– А еще я умею петь, – сказал Амфитрион.

И затянул на весь гимнасий:

– Хаа-ай, гроза над морем...

Свите они велят ждать у обочины. К святилищу Персея – его возвели два года назад, по левую руку от дороги, ведущей в Аргос – братья направляются вдвоем. Электрион несет на руках трехмесячного ягненка. За поясом ванакта блестит жертвенный нож без ножен. В сумке Сфенела лежит остальное: ячменная мука, мед, огниво и трут.

Тропа ныряет в заросли астериона²⁶. Стены звездчатой зелени надвигаются, сходятся шелестящим коридором: трава успела вымахать в рост человека. Канаты из астериона получаются замечательные. Но запах у него... К счастью, дальше лежат благоухающие заросли мирта. Тяжело дыша, Персеиды вступают под сень кипарисовой рощи. Под ногами играет ковер из опавшей хвои. Глаз радуется темная зелень деревьев – копий, устремленных к небу. Длинные тени расчерчивают землю, меж ними быют золотые клинки – лучи восходящего Гелиоса. Воздух хочется пить, как пряное вино.

Когда отцовское святилище открывается братьям, солнце встает прямо над ним. Буйство пламени над снежным мрамором колонн. Стражи-кипарисы по бокам кажутся черными. Бирюза небесного свода над головами. Зодчий знал свое дело. Ничего лишнего. Крыши над храмом нет. Четыре ко-

²⁶ Астерион (звездный) – конопля. Применялась в медицине и для изготовления канатов. О наркотических свойствах конопли древние греки не знали.

лонны, квадрат плит, жертвенник.

Отец бы одобрил. Он не любил излишеств.

– Радуйся, Убийца Горгоны, – тихо произносит Электрион.

Сфенел молчит.

Они начинают приготовления. Пока младший смешивает ячменную муку с медом, старший привязывает ягненка и разжигает огонь в углублении за алтарем. Яма и алтарь. Окажись здесь некий Меламп из Фессалии – он бы много смог рассказать о предметах и образах, плоти и символах, высотах Олимпа и глубинах Аида... Но Мелампа рядом нет. Камни по краям кострища грязны от копоти. На дне – зола и угли. На алтаре – бурые потеки. Их еще не успел смыть дождь.

Персея помнят не только сыновья.

Сфенел водружает на жертвенник чашу с мукой и медом. В яме вспыхивает огонь. Трещат смолистые ветки, стреляя белесыми искрами. Ягненок блеет, хочет сбежать. Он ни о чем не подозревает. Ему просто не нравится огонь. Но привязь держит крепко. Суровый, как Зевс в грозу, Электрион посыпает голову ягненка остатками муки.

– Жертву прими, наш отец богоравный...

Кривой клинок – подобие знаменитого Персеева меча – вспыхивает на солнце. Ягненок дергается; слабые ноги подламываются, он тыкается лбом в землю. Электрион подхватывает жертву. Кровь льется в чашу, пятнает алтарь и мощные руки ванакта. Когда кровь брызжет в «огненную яму»,

капли шипят в пламени.

Красные в желтом.

– Радуйся, отец. Твой сын Алкей оказался достоин тебя. Он бился, как истинный герой, – в голосе Сфенела чудится тень раздражения. – Хвала богам, наш брат остался жив. Он помнит тебя. Мы помним тебя.

Двое стоят над алтарем. Молчат.

Налетает ветер.

Знак?

Вскоре языки пламени лижут освежеванную тушку ягненка. Мясо превращается в уголь. Персеиды оставляют святилище, углубляясь в рощу. Колонны скрываются за деревьями.

– Ты не должен был ехать со мной в Микены!

– Что?

– Тебе надо было остаться в Тиринфе!

– И что бы я сделал? Привязал Алкея к дверному косяку?!

Солнце бьет в глаза Сфенелу. Досадливо морщась, он отступает в тень.

– Ты поехал бы на берег!

– Я?!

– Да, ты! Вместо него! Поехал и обо всем бы договорился.

– Ты в своем уме? Я не смог бы поехать один. Только наш отец был способен на такое.

– Придумал бы что-нибудь! Вступил бы в переговоры...

– На виду у всех?

– На виду! Главное, чтоб не на слуху. Вы бы объяснились, Птерелай уплыл – и все бы решили: ты прогнал пиратов без боя. Враг устрасился могучего Сфенела!

– Умен ты, братец, задним умом! А кто меня в Микены звал? Вместе, мол, эту парочку очистим... Очистили, в Аид всех Пелопидов!

– Да уж, не вовремя они объявились...

Электрион отламывает веточку. Растирает меж пальцами пахучую хвою.

– А Птерелай – вовремя? Договаривались же, через три дня!

– Может, твой человек напутал?

Электрион испытующе смотрит на брата. Во взгляде нет гнева – только досада.

– Мой человек все передал слово в слово. Не знаю, почему Птерелай приплыл раньше. Хорошо хоть, Алкея пощадил. Телебоям до зарезу нужен Сосновый остров²⁷! Им нельзя с нами ссориться...

– Ты прав, – кивает ванакт.

Они со Сфенелом словно поменялись местами. На совете Персеидов кивал и соглашался младший.

– Хромой осел! – негодует Сфенел. – Кто ж мог знать, что он возомнит себя Ареем, Губителем Мужей! Теперь у него сломаны обе ноги, и он решит, что стал Гефестом! Выкует

²⁷ Питиус – Сосновый.

нам новые заботы... Радуйся, брат мой! Мы споткнулись о калеку!

– Никогда, – говорит ванакт. – Никогда не оскорбляй при мне старшего брата.

Сфенел умолкает.

– Никогда, – повторяет ванакт.

И гонит ссору прочь резким взмахом руки:

– Без нас Птерелаю не бросить якорь у берегов Пелопоннеса. В Орее он уже пытался... – Электрион хохочет, вспугнув куропатку в траве. – Наш племянник выщипал Крылу Народа перышки!

Сфенел кривится. Слава племянника ему – кость в горле. Электриону хорошо: тронос делить не с кем. Хозяин Микен еще при жизни отца хлебнул из чаши самовластья. А в Тиринфе тронос один.

– Надо послать доверенного гонца к Птерелаю, – требует младший Персеид. – Назначить встречу заново. В безлюдном месте! И чтоб никто не прознал. Особенно твой возлюбленный племянник. Вояка! Схватится за меч – поди удержи...

Сорвав лист лопуха, Электрион плюет на ладонь.

– Не любишь ты Алкеева сына, братец, – ванакт оттирает руки от крови. – И скажу тебе: зря. Амфитрион – парень с головой. Поймет выгоду, оценит. Как дело сладится, я ему растолкую: что да зачем. У меня от будущего зятя секретов нет! Мы с ним душа в душу!

При виде мрачного Сфенела он вновь раздражается хохотом.

– Ладно, идем, – отсмеявшись, говорит ванакт. – Нам еще Пелопидов очищать, будь они неладны...

Горелый прах ягненка братья, вернувшись к святилищу, зарыли в землю. Сфенел полил холмик вином; Электрион – кровью жертвы, оставшейся в чаше. Так всегда поступали, совершая приношения подземным богам, героям и покойникам.

О да, героям и покойникам.

Оливковое масло бормотало и пузырилось.

Молоденькая стряпуха царила над котлом, как Персефона над «рекой скорби»²⁸. Улучив момент, она высыпала в масло лук, нарезанный кольцами, и «вонючую розу»²⁹. Если раньше в котле жило кубло змеенышей – детки превратились в матерых гадюк. Шипенье встало – хоть уши затыкай! Соблазнительный дымок потянулся по двору, заставляя людей принюхиваться, а собак – оглушительно лаять. Дождавшись, когда лук зарумянится стыдливой девой, стряпуха открыла крышку корзины, где ждала своего часа рыба. Разделанная заранее, натертая солью и сбрызнутая уксусом, кефаль плюхалась в масляную бухточку кусок за куском. Сверху – дождь над морем – пролилось вино. Вослед упала мелко порубленная зелень.

И крышка опустилась на котел.

Мужчины страдали. Они слонялись поодаль, стоически делая вид, что рыба их не интересуется. Пища истинного героя – мясо. Хребтина вепря, полная жира. Нога оленя. Копченый окорок. Дрозд, наконец! Пестрый дрозд, которым так радостно похрустеть! Рыбу же пусть едят слабые женщины,

²⁸ Персефона – жена Аида, богиня преисподней. Река скорби – Ахерон, через который переправлялись тени умерших.

²⁹ Чеснок.

чья участь – прялка и веретено. Вот пусть и едят! Они пусть едят, а мы, сцепив зубы, с мучительным презрением...

Стряпуха заглянула под крышку, хмыкнула с удовлетворением – и добавила ломтики сладкого перца, а также дольки агураса³⁰. Выждав, пока овощи дойдут, она деревянной ложкой, способной оглушить циклопа, принялась таскать лакомство из котла в особую корзинку. Масло текло на землю, привлекая псов. Мальчик палкой отгонял свору от ковриг ячменного хлеба. Ребенок, и тот знал: вкушая пищу без хлеба – навлекаешь на себя гнев богов.

Собравшись вокруг, женщины с любовью глядели на мальчика, и с обожанием – на стряпуху. Злость мужчин – изысканная пряность – придавала ожиданию остроты.

– У меня в отряде, – задумчиво сказал Амфитрион, вслушиваясь в бурчание предателя-живота, – дрался один лаконец. Помнится, он зашел в харчевню, дал хозяину рыбу, которую выклянчил в рыбацьем поселке, и велел состряпать ужин. Хозяин возразил, что рыба так просто не готовится. Нужно масло, хлеб... «Тупой чурбан! – вскричал лаконец. – Будь у меня хлеб и масло, стал бы я связываться с этой рыбой!»

Хохот дюжих глоток был ему ответом.

– Заслужил, – кивнула стряпуха. – Держи!

Не успел сын Алкея опомниться, как в руки ему ткнулась миска. Запах тушеной кефали ударил в ноздри. На краю мис-

³⁰ Огурец (греч. «агурос»: зеленый, незрелый).

ки, словно волей богов, возникла черствая корочка. Миг, и корка с успехом заменила ложку. Остальные, в чьем отряде не сражался языкатый лаконец, с завистью следили, как Амфитрион уплетает за обе щеки. Позор, читалось на мрачных лицах. Еда героя – мясо. Лишь предатель согласится променять геройство на рыбную похлебку. Вот ты бы променял? – взглядом обращался сосед к соседу, и с ужасом замечал: «Ага, и сразу же...»

– Так готовила моя кормилица, – стряпуха улыбнулась. – Ее привезли с Крита. Ты не боишься, что тебя сочтут бабой?

Нет, мотнул головой Амфитрион. Рот был слишком занят для ответа.

– Напрасно. Я бы, например, сочла.

«Из-за рыбы?» – спросил Амфитрион одними глазами.

– При чем тут рыба? Тот карасик, что растет у тебя... – стряпуха ткнула ложкой, разъясняя, где у сына Алкея растет карасик. – Ему рановато в плаванье.

Прикончив угощение, Амфитрион вернул миску.

– Твои братья называли карасика прыщом, – сказал он. – Копьем муравьишки.

– Чем еще?

– Заячьим хвостом. Карасик мне нравится больше. Полагаю, это у вас семейное.

– Талант аэда? – спросила Алкмена.

– Интерес вот к этому, – ответил Амфитрион.

И показал.

Табун фракийских жеребцов бросился бы в пропасть, услышав ржание микенцев. Холм, на котором стоял дворец, содрогнулся. Облака в небе кинулись врассыпную. Из рыбоеда Амфитрион превратился в богоравного мстителя, отплатившего за попорченную мужскую честь. Фыркали женщины. Брехали собаки. Утирал слезы малыш-хлебодар. И лишь Алкмена, дочь ванакта, сохраняла спокойствие.

– Неплохо, – согласилась она, когда шум стих. – Сегодня уже лучше. Полагаю, ночью у тебя просто съежился от страха. Еще кефали? Ты должен любить кефаль.

– Почему? – не понял Амфитрион.

– Я слышала, у тебя есть друг Кефал. Кефал Деионид, зять басилея Афин. Кто любит Кефала, тот любит и кефаль³¹. Пригласи своего друга к нам в Микены. Я угощу его рыб-бой-тезкой.

Не говоря ни слова, Амфитрион смотрел на девушку. Лицо его сделалось строгим, как на похоронах. Мало-помалу смолкли все вокруг. В тишине людям чудился странный звук: треск глиняных свистулек. Казалось, десятки игрушек выстроились в ряд с единственной целью – разлететься от ядра, пущенного из пращи. Кое-кто из микенцев даже завертел головой, ища прашника-невидимку.

– Ты не хочешь звать Кефала в гости? – удивилась Алкмена.

³¹ Игра слов. Кефал и кефаль происходят от единого корня «κεφαλή» – «голова».

– Хочу. Очень хочу.

– Так в чем дело?

– Не могу. Мой друг Кефал похищен.

– Пиратами? Его продали в рабство?!

– Богиней, – вздохнул Амфитрион. – Его любят и холят.

Но в гости...

Затаив дыхание, Алкмена ждала.

– Нет, – прозвучал ответ. – В гости его не отпустят.

* * *

– Вышла из мрака молодая с перстами пурпурными Эос,
Выкрала Эос красавца Кефала от милой супруги...

Известие о похищении друга застало Амфитриона в Орее. На корабле, пришедшем из Афин, плыл кто-то из родни ба-силея Эрехтея. От него сын Алкея узнал, что в афинском дворце – траур. Носить черные одежды боялись – по живо-му-то! Но рыдания не смолкали, считай, больше года, и Прокрида, жена Кефала, с такой силой прижимала к себе маленького Аркесия, словно и ребенка могли отобрать безжалостные боги.

– Будь проклята, Эос, сестра Солнца и Луны!

Заря смеялась.

– Будь проклята, Эос, дочь Гипериона и Фейи!

Заря смеялась, выстилая пурпуром небо над Афинами.
– Будь проклята, Эос, гибель красавцев!

Ах, как весело смеялась над проклятиями богиня в шафранном пеплосе! Чужие мужья были для нее вином для пьяницы, золотом для скряги, жертвоприношением на алтарь страсти. Первым стал Арей, бог войны, муж пеннобедрой Афродиты. Этот пришел на ложе Эос доброй волей, пришел и ушел. Остальных пылкая богиня, презрев скромность, похищала из родного дома. А что? Иначе ведь откажут: жена, верность, прочие глупости! Вторым ее любовником стал охотник Орион, третьим – Клит-фессалиец, четвертым – Ганимед-троянец, пятым – бедный пастух Тифон... Для Тифона влюбленная Эос даже выпросила у Зевса бессмертие, забыв, впрочем, попросить и вечную молодость. Когда Тифон превратился в бессмертного старца, дряхлого и больного, Эос заперла несчастного на задворках своего дворца, предоставив слушать ее стоны под ласками очередного пленника. Иногда, в минуты душевной слабости, богиня подумывала обратить Тифона в сверчка, да все откладывала на потом.

Кефал пополнил ее собрание красавцев.

Он был настолько хорош в постели, что даже непрерывное нытье любовника не раздражало Эос. Я хочу домой, бормотал он. Позже, милый, соглашалась Эос. Сперва так и вот так. Я люблю свою жену. Это правильно, дорогой. Ты – порядочный человек. Давай этак и растак. Я скучаю за сыном.

О, ты – лучший в мире отец! Смотри, я повернулась к тебе спинкой. Я покончу с собой. Как, мое сокровище? Брошусь с террасы вниз головой. О, бросайся! Только обожди – я лягу внизу и приму должную позу. Я хочу домой! Как ты можешь говорить об этом, солнышко, если я беременна! Видишь, я родила тебе чудного мальчика Фаэтончика? Давай сделаем еще одного?

Я не люблю тебя, прибежал Кефал к последнему средству. И не надо, радовалась богиня. Моей любви хватит на двоих. На сотню, вздыхал измученный Кефал.

– Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос,
В мраке остался плененный Кефал, муж скорбящей
Прокриды...

* * *

– Знаешь, – сказала Алкмена. – Не гуляй на рассвете.
– Почему? – изумился Амфитрион.
– Украдут еще...

Она не шутила. Закусив губу, дочь ванакта смотрела на него так, словно двор вымер в одночасье. Здесь не было ни единого человека, кроме них. Двое на всю Ойкумену – Уран и Гея, Девкалион и Пирра³². «Невесту тебе привезла! – из

³² Уран и Гея – небо и земля. Родили титанов, циклопов, гекатонхейров и

мглы прошлого крикнула Амфитриону сестра, сойдя с колесницы. – Дурачок! Своего счастья не понимаешь!» И эхом откликнулся вопль мальчишки, загородившего путь даймон-людоеду: «Отдай мою невесту!»

Я понимаю, кивнул Амфитрион. Я никому ее не отдам.
– Хорошо, – сказал он. – Я буду осторожен.

др.Девкалион и Пирра – праведники, оставшиеся в живых после потопа. Построив ковчег по совету Прометея, на десятый день они причалили к горе Парнас – и возродили человечество.

Что надо сделать, дабы восстановить доброе имя убийцы? Позволить ему жить без страха быть зарезанным первым встречным? Убийцу следует очистить, принеся положенные жертвы. Но вот вопрос вопросов: перед кем следует очистить сквернавца? Об этом веками спорили мудрецы. Верный ответ: убийцу следует очистить перед богами – мудрецов не устраивал. Перед *какими именно* богами? Ну-ка, назовите, не стесняйтесь!

А мы слушаем.

Глупцы знают ответы на всё на свете. Глупцы спешат поделиться ими, опять же, со всеми на свете. Раз за разом глупцы попадают пальцем в небо – и хорошо, если в небо. Но мудрецы! О-о, мудрецы знают! Мудрецы даже готовы были просвещать неразумных. Увы, каждый из несметной орды мудрецов провозглашал свое. Одни утверждали, что убийцу надо очистить перед Танатом и Аидом. Ибо первому пришлось извлекать тень невинно убиенного, а второму – определять ее на постой. Недаром жертвы подземным богам сжигают целиком, не съедая ни кусочка...

– Позвольте! – вмешивались другие. – С жертвами теням усопших поступают точно так же! А значит, убийцу надо очистить перед тенью его жертвы!

– Подумаешь, тень! – усмехались третьи, отмеченные пе-

чатку особой мудрости. – Кто такая эта тень? Что она решает? Скитается в Аиде, лишенная памяти... Лишь Зевс, Владыка Богов, способен даровать прощение убийце!

Подобное мнение трудно оспорить. Но находились смельчаки:

– Жертву нужно приносить Керам, богиням насильственной смерти!

– Следует умиловить Эриний-Мстительниц...

– Что вы понимаете? Только неподкупная Фемида, богиня правосудия...

Задабривание жертвами Фемиды Неподкупной смахивало на подкуп. Впрочем, те, кто имел дело с земными судьями, не спешили возражать.

– Дика-Справедливость!

– Деметра-Жизнедарительница!

– Аполлон!

– Ну ты брякнул! Еще б Гермия-Психопомпа вспомнил...

– А что? Не повредит...

К чести ванакта Электриона следует сказать, что в данном вопросе он оказался умнее всех мудрецов скопом. Посетив с год назад Афины, Электрион пришел в восторг от жертвенника Двенадцати Богам, которым по праву гордились афиняне. И загорелся идеей установить такой же в Микенах. Сказано – сделано. Жертвенник вышел поменьше афинского, в половину человеческого роста, но ванакта это не смутило. Изображения Дюжины были в наличии. И резьба красивая.

И мрамор лучше афинского. Теперь уж точно не ошибемся! Народ одобрил, славя гений ванакта. Хотя в чем-либо одобрении Электрион не нуждался. Он издавна знал: владыка Микен всегда поступает наилучшим образом!

Перед обрядом Атрей с Фиестом совершили омовение – прелюдию грядущего очищения. Обоих нарядили в хитоны цвета весенней листвы. Зеленый, шептались мудрецы, чуточку пьяные с утра – жизнь и возрождение. Плечом к плечу, со спины неотличимые друг от друга, Пелопиды шли к алтарю. Толпа загодя расступилась, освободив проход. Ропот, подобный шелесту прибоя, витал над площадью. В него вплеталось рычание далекой грозы. Не все микенцы были согласны с ванактом. От проклятых лучше держаться подальше.

«Выдать щенков отцу! – намекала гроза. – Выдать головой!»

Амфитрион видел, как напряглись спины братьев в ожидании удара. Он и сам невольно подался вперед. Если Пелопс уже понял, что сыновей ему не отдадут; если не смирился и отправил в Микены лазутчиков... Это последняя возможность. Сейчас любой может воткнуть нож в печень Фиесту; проломить камнем висок Атрея. И останется чист перед богами и людьми. Оскверненного вправе безнаказанно убить кто угодно.

Семь шагов. Шесть... пять... три...

Братья замерли на ступенях алтаря.

У жертвенника их ждали величественные фигуры в бе-

лом: Электрион и Сфенел. Белый цвет угоден Олимпу. Слуги зажгли курильницы с серой. Над площадью пополз дым – едкий, удушливый. От него першило в горле. Электрион со Сфенелом остались невозмутимы, зато Пелопиды дружно закашлялись.

– Скверна выходит, – с уверенностью заявил кто-то.

И пошло, покатилось от мудреца к мудрецу:

– Значит, виноваты!

– Выходит, это они мальчонку зарезали?

– Эх, не надо было...

– Благоговейте!³³ – перекрыл бас ванакта ропот толпы.

Площадь заткнулась.

– Внемлите, о боги! Жертву примите во искупление вины...

Персеидам подали черных петухов. Атрей с Фиестом наконец одолели кашель – и ждали, смирные, как барашки. Кривые ножи ударили наотмашь, отсекая связанным птицам головы. Кровь брызнула на алтарь, на ступени, на лица и хитоны – сыновья Персея щедро кропили направо и налево. Плавные взмахи. Колыхание белых одежд. Бормотанье площади.

Кровавый дождь.

– ...во искупление вины...

Вину, отметил Амфитрион, дядя не назвал по имени. По-

³³ Эвфемите (Благоговейте!) – возглас, призывавший к молчанию перед началом обряда.

нимай, как хочешь: то ли брата зарезали, то ли мать покрывают. «Сам-то как думаешь? – спросил голос, очень похожий на отцовский. – Могли они зарезать ребенка?» Могли, вынужден был признать Амфитрион. Если ребенок – помеха на пути к трону... Фигуры братьев предательски размывались перед глазами. Вместо Атрея с Фиестом возникали другие сыновья Пелопса Проклятого: Трезен и Питфей. Воин и прорицатель; благородные сердца. Стоило большого труда отрешиться от приязни к старшим, оценивая младших. «Что произошло в Писе, останется тайной. Но ты вызвался ближе узнать Пелопидов. Дал обещание отцу. Раз уж все равно задержался в Микенах...»

– ...Кровь пролилась! Жертву примите, о боги!

– О-о! – откликнулась площадь.

– Отныне пред вами чисты Пелопиды! Нет на них вины!

Вспыхнул огонь на алтаре. Кто-то зажег ароматные полнца, обильно политые маслом и медом. Зарезанные петухи легли в пламя. Трещала птичья плоть, обращаясь в уголь. Говорят, жрецы закрывают глаза на обычай – вкушают и от искупительных жертв. Но в Микенах ритуал соблюдался строго.

– Нет скверны!

Столб дыма зыбкой колонной уперся в небо – и начал расползаться, мешаясь с грозowymi тучами, набежавшими в единый миг. Колонны множились, образуя ряд портиков. Их венчали капители из облачных завитков. Выше росли пере-

крытия эпистелиона. Соткались фронтоны и фризы, сложилось скальное основание: мрак базальта, суровость гранита, блеск мрамора. На глазах собравшихся в небесах возникал храм – величественный, надменный.

Знамение?

– Ангел, ангел³⁴! – взлетел над площадью истошный визг.

Многие задрали головы, ожидая явления Гермия в крылатых сандалиях. Однако вестник оказался земным. Толпа расступилась перед человеком, взмокшим от долгого бега. Ангел остановился перед ступенями алтаря, перевел дух. Грудь его тяжело вздымалась. Бегуну поднесли кубок с водой. Ангел кивнул, благодаря, сделал пару осторожных глотков, а остаток вылил себе на голову.

– Весть из Писы!

Он поднял взгляд на ванакта:

– Умер великий Пелопс, сын Тантала! Скорбите!

Ударь раскат грома, пади на площадь Зевесова молния – вряд ли Микены испытали бы большее потрясение. Площадь замерла. Совпадение? Знак? Но что может значить смерть Пелопса в день очищения его сыновей? Очнулось давнее проклятие? Отец ложно обвинил Атрея с Фиестом – и боги наказали лжеца? Или, напротив, Олимп дает знать: творящееся в Микенах неуютно Дюжине, и лучше изгнать сыновей Пелопса из города, дабы не стряслось беды...

О-о, даже мудрецы терялись в догадках.

³⁴ Ангел – вестник.

– Отец!

Атрей упал на колени, вцепился себе в волосы.

– Прости, отец!

Он рыдал, не стесняясь. Слезы мешались с жертвенной кровью, пятнавшей лицо юноши. Рядом безмолвной статуей застыл Фиест. Брат Атрея окаменел от свалившегося на него горя. За что? – спрашивали Пелопиды богов. Могучие, за что караете?

Молчало небо. Молчала и толпа.

Позже, сравнивая смерть двух великих – Персея и Пелопса – отмечали, что Убийца Горгоны умер куда скромнее Проклятого. Ну, поднялся к звездам. Сверкает по ночам. Так это еще голову задирать, и то не всякий раз увидишь. Тучи, знаете ли. Зато Пелопс...

О-о, Пелопс!

Скипетр его – работу бога-кузнеца Гефеста – отвезли на материк, в Херонею. Меч его – золотой эфес, клинок черной бронзы – доставили в Сикион. Колесницу его – дар владыки морей Посейдона – отправили во Флиунт. Там безутешные жители не уgomонились, пока не взгромоzдили колесницу на крышу храма, проzванного с тех пор Царственным. Плащ его... венец его... сандалии его... Кажется, погребальный костер натолкнул хитроумного Пелопса на мысль завоевать своим имуществом все земли вокруг.

Дома, в Писе, остались одни кости.

Их сложили в медный ларец и поместили в святилище – храм в свою честь покойник велел построить заранее. Жрецы объявили волю богов, сильно смахивавшую на волю Пелопса. Ежегодно тени усопшего будет приноситься в жертву черный баран, поджаренный на костре из белого тополя. Сжигать барана в уголь запрещалось. Напротив, поливаемый соком граната, баран готовился наилучшим образом. Каж-

дый, вкусивший жаркого, считался нечистым. С этой минуты он допускался в окрестные храмы только после омовения – и внесения поминальной лепты на благоустройство святилища. Если баран оставался невостребованным, собравшихся кормили насильно. Потом их мыли в реке – под надзором мускулистых рабов с палками в руках – и собирали лепту. Кроме этого, лучшим юношам Элиды вменялось в обязанность бичевать себя перед алтарем Пелопса. Кровь их жертвовалась тени за компанию с бараном.

Бичевались с радостью – по слухам, это увеличивало мужскую силу.

– Хо-хо! – смеялись в Арголиде.

– Забавники! – потешались в Арголиде.

– Еще б лошадей на крышу храма затащили! – издевались в Арголиде.

А там и прикусили языки. Когда сидишь в осаде, языком не отобьешься. «Где осада?» – изумлялись мудрецы. «Никого под стенами!» – возражали мудрецы. Простаки же чесали в затылках – и шли точить мечи. Взлети над Пелопоннесом на птичьих крыльях, огляди землю из-под шапки облаков – что видишь, простак? Кто оседлал Истмийский перешеек – пуповину, соединяющую полуостров с материком? Град Мегары, обитель смельчаков. Правит в Мегарах грозный боец Алкатой, сын Пелопса. Сел на каменистом берегу Саронического залива, уставил копье в небо. Рядом, у звонких вод Селлеиса, в роскошной Эфире, правит Коринфий,

сын Пелопса. Переименовал, шутник, Эфиру в Коринф, и посмеивается. Сунься чужак на Истм – с двух сторон возьмут в клещи, раздавят. Южнее, на скалистой дороге из Коринфа в Аргос – не успели оглянуться! – выросли Клеоны, богатые устройством. Правит там хитрец Клеон, сын Пелопса. Загородил дорогу стенами, дерет с путников мзду, а с телег – вдвое. Свернет обоз на запад – час от часу не легче. В плодородной, богатой реками Асопии властвует гордый Сикион, сын Пелопса. Чем он хуже братьев? – да ничем. Вот и дал городу свое имя. Еще западней, в богатых дичью Летринах, бьет кабанов, стреляет коз Летрей, сын Пелопса. Зазеваешься – поймает стрелу, козел! На юго-востоке, в браноносных Трезенах, царствует Питфей, сын Пелопса. Установил алтарь Фемиде Правосудной; судит на свое усмотрение. Виноградники Элиды, дубравы Аркадии, бухты Трифилии, холмы Олимпии – сплошь Пелопиды. Что ни крепость, что ни тронос – наше, горланят!

Хороша жена у Пелопса. Нарожала супругу армию.

Щит к щиту.

Берегись, Микены! Дрожи, Тиринф! Взяло Пелопсово семья Аргolidу в кольцо. Аргос вам не союзник – захудал Аргос, заплыл жирком. Случись что, портовой шлюхой ляжет под победителя. Если и есть подмога Персеидам, так это Спарта. Ох, грозна Спарта! Ох, и могуча! Бронзовой рукой правит Лаконской областью спартанец Эбал, воин крепкий. А рука-то Эбала носит имя Горгофоны, дочери Персеевой.

Зря, что ли, назвали девочку Убийцей Горгоны? С таким именем и первого мужа в могилу свести – пустяк, и второго в кулаке держать – плевое дело! Велит Горгофона – сражайся! – встанет супруг стеной за шуринов-Персеидов. А сыновья подопрут – свой, родной, маловат годами, так приемные, от первого жениного брака, орлы хоть куда!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.